

A blue-toned illustration of a fantastical landscape. In the upper left, a hot air balloon with a basket floats over a body of water. The background features several sharp, jagged mountains. In the lower right, a small village with a church spire is visible. The sky is filled with swirling patterns and a few birds. The overall style is reminiscent of a woodcut or a detailed drawing.

Андрей Коннов

ПРИБЫТИЕ

Андрей Коннов

Прибытие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19488510

ISBN 9785448304354

Аннотация

Путешествие на Крайний Север, громовая поступь Соблазна, ехидные проделки полтергейста и столкновение с самим антихристом. Встреча с возможными прародителями человечества и попытка обуздать свои страхи, пока где-то в полях, наравне с ветром гуляет отряд солдат Берегини, а на Волге вершится легендарное пророчество. Необъятных историй мир приглашает Вас стать свидетелем самой необычной схватки добра и зла, которая растянется на протяжении разных рассказов и повестей. Здесь все по другому...

Содержание

Прибытие	5
Пролог. Татьянин сон	5
Несломленная	7
Глава I. Прибытие	11
Поступь мертвецов	26
Скрип гроба в шкафу	35
Глава II. Столпы мироздания	43
Великие Проходы	55
Эпилог. Предзнаменование Савелия Карповича	69
Кое-что о Великих Проходах	78
Соблазн	80
Глава I. Да или нет	80
Глава II. Война без жертв	132
Глава III. Пережить катастрофу	146
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Прибытие

Андрей Коннов

© Андрей Коннов, 2016

© Андрей Коннов, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-0435-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прибытие

Пролог. Татьянин сон

По тундре бежит стадо северных оленей. Они лавируют среди мелких озер, втапывая копытами влажную и холодную землю. Стадо прорезает огромная белая сова. Она делает над оленями крутой крюк, после чего садится на каменное надгробие, затаившиеся посреди лесотундры. Стадо северных оленей встает вокруг надгробия полукругом, кивая своими мордами и истончая холодный воздух изо рта. Белая сова подымает могучие крылья вверх, и начинает махать ими. От сильного потока воздуха позади оленей образовался ветреная снежная скатерть. Скатерть разлеталась по лесотундре, обволакивая воздушные массы, впоследствии сформировавшиеся в бледно серые человеческие фигуры. Эти фигуры шли отовсюду, их бескрайняя река простиралась до самого горизонта. Когда фигуры дошли до надгробия, белая сова махнула своим могучим левым крылом. Из под крыла у надгробия очутилась русоволосая девочка, закутанная в овечью шкуру. Девочка поднимает голову, ее глаза закатываются в слезу. Она встает, подходит к надгробию.

— Папа, — тихо произносит девочка.

Белая сова взлетает, опрокинув перо на плечо девочки.

Фигуры начали движения к надгробию. Олени завyli, стадо медленно попятилось назад. По лесотундре пронесся нечеловеческий рык. Девочка замечает перо на плече, берет его, и уверенно, будто бы так и планировала сделать, пишет на надгробии фразу: «Папа помоги». После, перо загорается огнем, девочка бросает и ее хватает за шиворот одна из человеческих фигур. Девочку тащат по лесотундре, ей вдогонку смотрят олени, продолжая кивать и истончать холодный воздух. Стадо вновь прорезает белая сова. Раздается раскат грома, над лесотундрой заиграла зарница. Из багровых синих туч на небо закатилась часть солнечного диска. Задрожала земля, фигуры людей стали рассыпаться на мелкие ледяные крошки. Девочка оказывается одна, посреди мерзлой равнины. Где-то вдалеке, девочка замечает хромающего человека. Девочка захотела встать, но нет сил, она начала ползти. Девочка доползает до болотистой чащобы, где на тонкой кромке льда сидит песец. Его вытянутая и острая морда смотрела прямо в глаза девочки. Едва девочка соприкасается со льдом, как от ее руки пошла трещина. Песец, через прыжки над ледяной водой, хватает девочку за воротник, и тащит подальше от хромающего человека. Хромающий человек выставил руки вперед, его голова беспорядочно болтается из стороны в сторону. Со всех сторон свисают куски одежды, оголяя бледное тело. Песец гнал что есть мочи, но, когда солнце вновь зашло за тучи, песец испарился. Девочка снова осталась одна. Перед ней выросла фигура того

самого хромающего человека. Бледное, обезображенное лицо, смотрело на девочку. Хромающий человек открыл рот, из которого повалились не прожеванные куски мяса. Девочка закричала, да так громко, что очередная молния ударяет в хромающего человека – его разрывает на части. И на его месте оказывается белая сова. Она подходит к девочке, гладит своим крылом, будто бы успокаивая и вводя в сон. Спустя короткий промежуток времени, девочка уснула.

Несломленная

Когда октябрь «наступил» на свою середину, где-то на берегу Волги родилась девочка по имени Таня. Сегодня ей исполняется 11 лет. Мама Тани, Даша, всегда делает день рождения дочери необычным. Необычность заключается в попытках увести праздник от своей классической ипостаси. Так, пару лет назад, Даша не постеснялась отправить в канун дня рождения свою дочку к бабушке, а сама, принялась рисовать на стенах разного рода рисунки. Даша пыталась ориентироваться на то, что маленькая Танюшка рисовала в детстве. И, когда маленькая именинница появилась дома, Даша бросилась на нее, утащив в пучину младенческого безумия, когда они втроем играли, переворачивали всю мебель вверх дном. С балкона пускали воздушные шарик, в подъезде приклеивали разноцветные ленточки, в которые втыкали конфетки – их потом брали соседские детишки. Никаких

посиделок за столом, никаких песен или тортов, с зажиганием свечей. Каждый день рождения – маленький арт-хаус. Только они, вдвоем: мама, дочь и... папа. Папу звали Олегом, он любил Таню переворачивать, и позволять ей ножками топтать по потолку. Танюшка любила этот трюк, и очень ждала на свое десятилетие точное такой же. И крайне негодовала, когда вместо папы это делал дядя Леша, – Даша постаралась сделать первый юбилей своего ребенка ярким и красочным. Хотя в душе травилась болью и горечью, получив за день до таниного дня рождения весточку с далекого Ямала – в ней говорилось о смерти Олега, и о том, что его закопали посреди лесотундры, среди болот и кристально чистых озер. Даша не решилась Тане это сообщить. Девочка сама все узнала, спустя неделю, увидев странный сон про стадо северных оленей и белую сову. Утром Таня задала Даше только один вопрос: «Правда, что нас теперь только двое?»

Таня и до этого видела странные сюрреалистические сны. Их отличительным свойством было того, что все они, так или иначе, происходили на севере. Таня четко описывала ледяную тундру, оленей, песцов, сов, ледаколы на горизонте. Как она бегала в оленьих упряжках, вместе с ненцами, наперегонки с колючим ветром. Девочка десяти лет отроду знала буквально все о ненецком народе из своих абстрактных снов. Трудно объяснить, в какие чертоги уносился разум Тани, когда она брала за руку Морфея.

Танюшка растет необычным ребенком. Она целиком

и полностью повторяет своего отца – такая же неумная путешественница, для которой сидеть на месте сродни самому жесткому в мире наказанию. Ее прям так и тянет пойти куда-нибудь, исследовать местность. Таня исходил весь город одна, пешком. Она прогуливала уроки, дралась с одноклассниками, на наказания директора, учителей и даже Даши не обращала внимания. Таня – интроверт. Ей трудно уживаться с людьми, и поэтому в классе она была чем-то вроде «белой вороны», которую постоянно пытались ужалить. Комната Тани завалена картами, книгами о путешествиях. Даша боится, что если даст волю, свою дочь она больше никогда не увидит. После смерти Олега, у Даши перемкнуло внутри абсолютно все – ныне, красивая тридцатилетняя девушка, «метр шестьдесят бесконечных нервов» – как ее охарактеризовал Олег, видит смыслом своей жизни быть постоянно и везде рядом с Таней. Чрезмерная опека привела к конфликту с дочкой. Даша выстроила идеальную для ее текущей ситуации концепцию «держат ребенка на коротком поводке». Вот только проблема в том, что Таня – упрямая и закрытая девочка, и одному богу известно, что творится в ее голове.

На свое одиннадцатилетие, Таня заказала весьма необычный подарок. За неделю до праздника, девочка устроила маме серьезный разговор. В котором она просила не делать изысканное и цветастое представление, а отвести ее... на полуостров Ямал. Даша отказалась, заявив, что «маленькой де-

вочке будет трудно там». Идет учебный год, у Тани оценки редко взбирались выше «трех ступеней ада», и Даша желала хоть как-то ситуацию выправить. Но упрямый характер Олега выиграл в Тане с еще большей силой и яростью. Девочка требовала от мамы поездку на Ямал, на могилку к папе. И никак иначе. В противном случае, Таня пригрозила отправиться на север пешком. «Почти как Ломоносов...» — смеялась мама Даши, но самой героини было не до улыбок. Каждый новый день приносил тягостные разговоры о севере, о планах, как туда добраться и что там делать. Даша героически сопротивлялась. Но, однажды, увидела на столике Тани, в ее комнате, записку, в которой та недвусмысленно написала прощальное письмо. Даша трижды облилась потом, затем слезами, взялась за голову, позвонила маме... Пока Таня была в школе, Даша решала вопрос века. Вернувшись из школы девочка, увидела зареванную маму, которая согласилась на столь экстравагантное путешествие, лишь бы «дочка осталась дома». Таня прыгала от радости до потолка, но Даша... Даша не сломилась. Она не дала себе мысль о том, что эта поездка пойдет ей на пользу. Напротив, для Даши путешествие на Ямал стало сродни заходу на гильотину. Девушка внешне подавала признаки радости, но внутри дала себе настрой: при первой же возможности повернуть на дорогу до дома.

Глава I. Прибытие

Место действия – о. Халэвнго, Обская губа (п-ов Ямал).

Над полуостровом, барахтаясь в потоках воздуха, летит кукурузник. Безлюдные космические пейзажи тундры – болотистые чащобы, окольцованные извилистыми речушками и редкими лесополосами. Смотря на все это из окна самолета, Даша боролась с внутренним страхом за Таню. Перед ней постоянно стоит образ Олега, его пронзительная улыбка, светлые и бездонные глаза, рыжие волосы. Осиная талия, накаченные руки... Даша влюбилась в Олега, и полетела ее душа в облака...

Прежде, чем самолет начал снижаться, его несколько раз тряхнуло. Кукурузник пошел на посадку, разрывая белую плену. Сквозь бесконечно вертящийся пропеллер, стали видны очертания аэродрома острова Халэвнго. Даша погладила спящую на ее коленках Таню, поцеловав ее в лоб.

– Вставай, соня! – сказала Даша нежным голосом.

– О! Уже? Папа! – визгнула Таня, едва проснувшись, и прильнув к окну, – Боже, мама! Тут так красиво!

Даша повертела носом.

– Волжские пейзажи по живее будут, – пробурчала Даша под нос, предпочитая не связываться с восхищением своей дочери.

– Милые дамы, мы идем на посадку! – прокашлял гром-

коговоритель в салоне кукурузника.

Аэродром Халэвнго когда-то был центром притяжения полярников с материка. Сюда прилетали самолеты за горючим, привозя продукты для местной метеостанции «Нум». С распадом СССР надобность в станции пропала, рабочий персонал станции перевели на Таймыр, и про аэродром забыли. Теперь его постоянными служащими являются ветер и шальные призраки – в вечернюю зарю в окнах и дверях лучи уходящего солнца рисуют при помощи снежной скатерти силуэты людей. На диспетчерской башне до сих пор барахтается флаг с серпом и молотом. В кабинете начальника аэродрома висит покосившейся портрет Ильича, застыл во времени патефон, в столах остались забытые кипы документов (что в них знает лишь пыль и кромка льда). В ангаре стоит затерянный между двумя эпохами еще один кукурузник. Кто-то ушлый снял с него пропеллер и заднее шасси. Самолеты не садились на Халэвнго долгие два десятилетия. Кукурузник с Дашей и Таней на борту первый за долгие годы самолет в здешних краях. Рокот двигателя кукурузника беспощадно резал гулкую тишину тундры на части.

– Мрак, – ругнулся первый пилот Роман, смотря на заброшенный аэродром.

– Советское наследие... – задумался второй пилот Алексей.

– Того гляди, сейчас попрут зомби... – Роман притянул на себя рычаг.

– Чур сначала сожрут мелкую... Она слишком по уму на всех смотрит, – Алексей лишь к концу фразы понял ущербность своей шутки, глядя на прямолинейный взгляд Романа, в котором четко читалось: «Ахахах! Как смешно!»

У обочины взлетно-посадочной полосы стоит ржавая буханка. Возле нее, облокотившись локтями, с интересом наблюдают за кукурузником единственные обитатели острова – Савелий Карпович и Матвей.

Дверь кукурузника со скрипом открывается, и сначала на воздух выходит Даша.

– Как ты повзрослела, Даша! – Савелий Карпович полез обниматься.

– Жутко здесь, – мрачно ответила на комплимент полярника Даша.

– Север, – ухмыльнулся Матвей, – Он такой, атмосферный!

Савелий Карпович и Матвей схватили чемоданы, и потащили их в буханку. Таня уже из нее махала пилотам рукой, когда те пошли на взлет.

– Слава богу, мы летим в Салехард, обратно! – успокаивал сам себя Роман.

– Боишься тут заledenеть? – подмигнул Алексей.

– Боюсь, стать частью местной фауны, как те два... – Роман три раза перекрестился, – Два года назад мой брат завозил им продукты, с лодки, когда его танкер проплывал неподалеку. Говорит, один постоянно травит байки о каких-то

Великих Проходах, второй вечно пишет у себя в кабинете «Бытие Севера». Бррр...

– Ну, надо же как-то скрашивать свой досуг!

– Отшельники-психопаты. Они уже давно замерзли, и это их мумии. Они съедят этих несчастных девушек, и завтра мы будем забирать их останки.

На эту фразу Романа Алексей выпучил глаза. Между пилотами воцарилась тишина, которую нарушил Алексей.

– Ставлю пять тысяч, что мы будем забирать трупы.

– Десять тысяч, и ты ведешь самолет до Таймыра!

– Идет!

Буханка резво мчалась по убитой временем дороге. Дивные пейзажи тундры сменились лесотундрой, где-то через четверть часа, пошли болота и озера. Сквозь заросли на открытые площади выбегают пары северных оленей.

– Здесь первый круг ада? – поинтересовалась Даша.

– Последний, – сухо ответил Савелий Карпович.

– Тут девственная природа-матушка, – мечтательно сказал Матвей, крутя руль буханки, – Это рай на земле обетованной!

– Адский рай, – пробурчала Даша, вжимая голову в шею.

– Олег так не думал, – начал Савелий Карпович, – Он здесь хотел остаться.

– Я знаю! – рыкнула Даша, – Он всегда предпочитал нашей семье север!

– Не злись, – попробовал разрядить обстановку Савелий Карпович, – Он же не со зла...

– Умер, не попрощавшись, – на лице Даши проступили слезы, – Обещал вернуться, так взял, остался здесь. Доволен, да?!

– Тут девочка маленькая, – с воспитательной интонацией сказал Савелий Карпович.

– Я взрослая, – обиженно сказала Таня, – Просто ростом еще не вышла. Это временное явление!

Буханка въехала сквозь деревянную арку на небольшую площадь. Косой деревянный забор упирается в набитый всяким металлическим хламом сарай. Через сто шагом от него стоит метеостанция, где первый этаж сложен из камня, а второй – из дерева. Метеостанцию венчает треугольная крыша, на которой стоит ржавая и заледеневшая тарелка больших размеров. Под козырьком большими буквами на доске, белой краской, написано «Нум». Возле крыльца валяются кронштейны и антенны.

– Вот моя деревня, вот мой дом родной, – сказал Матвей, открывая дверь метеостанции.

– Как тут красиво, – Таня вдыхала холодный воздух, дующий с Карского моря.

– Застудишь легкие, что ты делаешь?! – Даша подпихнула Таню к двери, – Где твой шарф? Почему без шарфа? Ты

соображаешь, где ты находишься?!

– Да не замерзнет она, – Савелий Карпович ставит сумки на пол, – Север не морозит тех, кто к нему искренен.

– Это намек? – спросила Даша, раздевая Таню.

– Намек на то, что нужно отдаться природе, – Матвей поставил чайник на плиту, – Здесь единственная угроза может исходить только от нас самих.

На первом этаже метеостанции расположена кухня, пара диванов, радиорубка, печь и рабочий кабинет Матвея. На второй этаж ведет деревянная скрипучая лестница. Там две комнаты, с верандой, санузел и кладовка. В узком коридорчике стоит длинный книжный шкаф. Небольшая лесенка ведет на чердак, где валяются ящики, бочки, металлические конструкции, груды камней и еще много всякого хлама.

– Какая прелесть! – визгнула Таня, подбегая к книжному шкафу. Девочка достает книгу о ненецкой мифологии, – Мама, смотри! Это же папина книга! Он мне ее читал!

– Поставь чужое на место! – возмутилась Даша, отняв у дочки книгу.

На ужин Матвей, как традиционный повар острова Хал-эвнго, подал вкуснейшую рыбу в томатном соусе.

– Здешняя рыба исходит прямо от Владыки Вод – Ид Ерва. Кто ее съест, тот обретет иммунитет ко всем болезням, – Матвей нанизал на вилку пару кусочков, демонстративно и с удовольствием скушав их.

– Завтра самолет вернется за вами в обед, – начал Савелий

Карпович, наливая в бокал чай, – Он увезет вас в Салехард, а оттуда уже долетите до родной Самары. Утром мы сходим на могилку, к Олегу, и все будет хорошо.

– Меня терзают смутные сомнения, – сказала Даша с укоризной.

– Сомневающимся выслана дорога в ад, – Матвей перекрестился.

– Странно, что в столь жутком месте, обители дьявола, есть верующие, – Даша наливает чай Тане.

– Где ты тут дьявола увидела? – Савелий Карпович покопился в сторону Даши.

– Его следы повсюду! Мерзлота, колючий ветер, полная тишина, как в гробу! Здесь нет места жизни!

– А как же северные олени? – спросил Савелий Карпович, – Они же живые!

– Дьявол соблазняет нас. Я не верю. Для меня этот остров просто кусок льда, забирающий людей.

– В тебе говорить злость и обида на Олега. Отпусти все это. Он ведь любил тебя и Таню.

– Он любил север. По настоящему и искренне. Нас он покидал всегда надолго и всегда тяжело было ожидать его. С каждой его новой экспедицией искринка жизни в нем угасала. Когда Олег уезжал в последний раз, я чувствовала, что обратно не вернется.

Даша встала из-за стола. Она прошла к окну.

– Тут повсюду дыхание смерти и тоска. Мы не пробудим

здесь больше завтрашнего обеда!

Даша ушла наверх.

– Ты стала красивой, – кричал ей вдогонку Савелий Карпович, – Ты и внутри красивая. Убери свои колючки, ты же не такая!

– Моя мама знатный цербер, – Таня заглатывала один кусок рыбки за другим, – Я от нее, она за мной. Я перегрызаю цепь, она еще толще вешает.

– Ты для нее смысл жизни, – сказала Савелий Карпович, – Не ругайся!

– Да я не ругаюсь. Моя мама – цербер. Ее цепи меня душат. Я хочу быть вольной птичкой. Быть везде и всюду. Но быть не одна, а с мамой. Вы правы, – она вся в колючках. Красивый и нежный кактус.

– Ты такая умная... – Савелий Карпович расплылся в наслаждении.

– Ой, не надо этого! «Ты такая умная!». Давайте обойдемся без эпитетов и похвалы. Я не люблю это.

Сказав, Таня поднялась и прошла к мойке.

– Девочке не место у мойки, – сказал Матвей из своего кабинета.

– Я просто хотела помыть свою тарелку!

– Девочка не должна мыть тарелки!

– Девочке пора спать, – Савелий Карпович широко зевнул, – Завтра рано вставать. Здешние сутки не такие, как на материке. Не успеешь глазом моргнуть, как зарево рас-

света рассечет горизонт, отправляя госпожу ночь на небольшую прогулку.

В маленькой комнатке, где стоит кровать и тумбочка, а на стене висят олени рога, у окошка стоит вжавшаяся в себя Даша. В кровати лежит Таня, укутанная тремя одеялами. Даша долго всматривалась в ледяной пейзаж тундры, дергаясь от ставней на окнах, которые ворочал ветер.

Даша оборачивается к кровати, подходит к Тане, гладит ее по голове и целует в лоб. Она приглаживает одеяла, и, заглядывая под кровать. Затем, Даша внимательно рассматривает потолок, трогает углы, проверяет ящики в тумбочке.

– Вроде нет никаких монстров, нет никаких опасностей, – вздохнула Даша, открывая дверь комнатки.

– Я оставлю дверь открытой, – сказала Даша, смотря на спящую Таню, – Я буду слушать твой сон и твое дыхание из соседней комнаты. Я всегда буду это делать! – Даша повернулась к окну, – Ты ее у меня не заберешь! – дерзко сказала она.

Даша легла в кровать, но укрыться одеялом не смогла. Оно показалось ей колючим. Даша решила спрятать руки под ноги, а голову втянуть в шею. Так ей легче давалась тягостная ямальская обстановка.

– Не сиделось нам дома, – начала шептать Даша, не за-

мечая, как ее глаза стали закрываться, – В Самаре сейчас тепло, желтая листва в парках, легкие куртежки, черные сапожки... А тут! Я прям чувствую, как смерть дышит всюду. Таня... Не отдам ее северу! Нет! Она будет жить так, как я скажу! – Даша встрепенулась, ударила себя дважды по лицу. Она смотрела на пустую рамку на стене. В ней когда-то была картина, и Даша сделала робкую попытку представить, какой она была. Спустя пару минут, Даша уже лежит под одеялом. Она не заметила, как это получилось. И очень сильно испугалась. Она уже не чувствовала колючесть одеяла. Тело начало «отражать» от одеяла тепло, и Даша размякла. Даша снова закрыла глаза.

– Увижу твою могилку, сама не подойду! И дочь не подпущу! – бормотала Даша, уходя в сон, – Посмотрим изда-лека. Нечего тебе тут такие вольности позволять... Бросил? Умер? Скатертью дорога. А ребенка кто воспитывать будет? Я одна?

Даша повторяла эту фразу несколько раз, пока не уснула. Сон оказался таким сладким, что Даша перевернулась на бочок, засунув большой палец в рот.

А между тем, Таня видит сон. Тот самый сон, про стадо оленей и белую сову. Про папино надгробие среди лесотундры. Про хромого человека и писца. Она видела его первый раз за сутки до отлета из Самары. И тут вновь он... Когда белая сова начала гладить девочку по голове, Таня резко просыпается. Таня видит перед собой бледное лицо мужчины

тридцати пяти лет. Ярко черные глаза, без зрачков, тонкая кожа, оголяющая черты черепа, приоткрытый рот. В этом бледном лице Таня признала своего отца – Олега. Девочка закричала. В комнату влетает обеспокоенная Даша, снизу поднимаются Савелий Карпович и Матвей. Даша отказывается покидать дочь, и ложится с ней в кровать.

– Давно его не было... – задумался Савелий Карпович, находясь под впечатлением от сна Тани и ее видения отца.

– Чем больше будет сопротивление Даше, тем сильнее будет он, – сказал Матвей, закидывая в печь дрова.

– Что будем делать? – Савелий Карпович достает из под скатерти белое совиное перо.

– Пока ничего. Все зависит от Тани, – Матвей ушел в свой рабочий кабинет, и закрылся там.

Савелий Карпович лег на диване, накрывшись пледом. Едва он закрыл глаза, как услышал скрип половицы. Будто бы в зале есть кто-то кроме него. Скрип половицы сопровождался мужским холодным и тяжелым вздохом. Савелий Карпович открыл глаза. Скрип половицы прекратился. Савелий Карпович медленно повернул голову, ожидая что-то необычное и страшное. Но ничего не случилось. Савелий Карпович резко встал, огляделся, замер. За окнами мелькнула чья-то тень. Савелий Карпович подпрыгнул к окну, зашторив шторы. Полярник пополз по стенке, до входной двери, чтобы проверить, закрыт ли замок.

– Ловишь барабашку? – спросил Матвей, стоя на кухне,

держа в руке стакан с водой.

Савелий Карпович отпрыгнул от двери, хватился за сердце, и безумным взглядом смотрел на Матвея.

– А ты мои нервы испытываешь? – спросил полярник, укладываясь на диван.

– Ты же знаешь, что делать. Так зачем же идешь у него на поводу? – Матвей прошел к дивану, и нагнулся над Савелием Карповичем, будто бы призрак.

– Матвей, дай поспать! Это ты не ведаешь ни времени суток, ни времени года...

– Здесь и так уже есть люди, которые истончают страх. Хочешь кормить его еще своим – пожалуйста. Только будь аккуратен. Он ненасытен, – сказав, Матвей снова закрылся в своем рабочем кабинете.

Утро. На диване, на первом этаже, сидит Таня. К ней подсаживается Даша, берет ее за руки.

– Ты никогда раньше не кричала по ночам, – сказала Даша.

Матвей налил чаю в термос, начал собирать рюкзак.

– Савелий Карпович! – крикнул Матвей на второй этаж, – Нам пора! Я пойду, приготовлю автомобиль, а вы пока одевайтесь!

Матвей завел буханку заранее, чтобы она прогрелась. По-

завтракав, Таня оделась, и выбежала на улицу.

– Она никогда раньше не кричала по ночам, – сказала Даша, стоя у окна. Она смотрела на резвящуюся дочку, нарезающую круги вокруг машины. Матвей хлопал в ладоши, и пытался еще больше раззадорить девочку.

– Отпусти ее, и она больше никогда так не сделает, – Савелий Карпович помог одеть Даше куртку.

– Отпустить?

– Ты ее душишь своей опекой.

– Но я боюсь за нее! – Даша села на диван.

– Твой страх заставляет ее держать на привязи, контролировать ее каждый шаг! – Савелий Карпович махнул рукой, приглушив на кухне свет.

– Я мать! И я боюсь за свое дитя!

– Это говоришь не ты, а твой страх. Забота и опека – вещи разные. Когда ты даешь ребенку внимание, но не обрубаясь его доступ в мир – это благо, забота, внимание и любовь. Когда уже начинаешь следить за каждым шагом, звонить, говорить «Нельзя!», – со стороны своего чада вряд ли встретишь понимание.

– Она еще мала, не понимает этого!

– Все мы вырастаем, и становимся родителями. Чтобы не совершать ошибок своих отцов и матерей мы должны сделать выводы из своего детства, и дать ребенку жизнь. Жизнь, а не мир за решеткой твоих принципов и желаний.

– Здесь мы в опасности! Она бежит по этой стуже! Она ча-

сто болеет! Простудиться! А шарф?! Она забыла обвязаться шарфом! – Даша хватает шарф, бежит к двери. Но перед ней вырастает фигура Савелия Карповича.

– Пустите! Пустите меня! – Даша кричит, машет шарфом, – Вы! Вы! Вы не знаете, как мы лежали в больнице, с воспалением легких! Вы не знаете, как она ходит, ведет себя! А здесь... здесь даже врачей нет. Случись что, куда ее вести? Она же умрет! Я тогда пойду за ней!

– Даже после смерти не дашь ей покоя? – Савелий Карпович скривил лицо.

– Да! Я буду заботиться о ней!

– Даша, это уже клиника! Ты себя слышишь? Ты душишь ее! Шарф! Он не спасет ее, если она часто болеет. Отпусти!

– Нет! – крикнула Даша, толкнула Савелия Карповича, и выбежала на улицу.

– Природа никогда не убивает человека. Только мы способны это сделать! – кричал вдогонку Даше Савелий Карпович.

Даша схватила Таню за шиворот, и начала обязывать шарфом. Даша проверила наличие теплых колготок, двух свитеров, как одета шапка.

– Замерзла? Горло болит? Нос! Как нос? – Даша щупает лицо Тани, которая всем своим видом пытается показать свое недовольство.

– Она уже умерла и переродилась вновь, – загадочным голосом произнес Матвей, выглянув из-за машины.

– Что?! – визгнула Даша, посмотрев зорким злым взглядом в сторону Матвея.

Савелий Карпович подошел к машине.

– Ты дверь закрыл? – спросил Матвей.

– Какую дверь? – Савелий Карпович полез в салон буханки.

– У нас так много строений вокруг?

– Матвей, слушай! Я пятьдесят четыре года живу на белом свете. Могу и умею различать наличие строений, и нужно ли их закрывать!

Матвей с недовольной миной прошел на метеостанцию, отворил дверь и демонстративно ушел.

– Пусть ветер осваивает наши покои, – буркнул Матвей, – Олени заходят, там, покойники разные...

– ...покойники?! – раздался повторный визг Даши, фактически сдавившей Таню своим объятием (типа, так теплее).

– Ну, да. Мертвецы всякие. У-у-у, я пришел, у-у-у, – корчил рожицы Савелий Карпович.

– Так, ладно! – Матвей повысил интонацию голоса, – А сейчас мертвец 54 лет пойдет, да закроет дверь на замок. Иначе мы никуда не поедem!

– Басурман! – гаркнул Савелий Карпович, шагая к метеостанции.

Поступь мертвецов

Буханка петляла вдоль озер и болот в течение часа. Голая и пустая тундра сменилась лесотундрой. Посреди покрытых белым инеем деревьев растут непонятные глазу Тани и Даша бугристые растения. Солнечные лучи преломляются через ветви деревьев, создавая иллюзию того, будто вокруг люди. Буханка доезжает до надгробия, на котором большими буквами написано «ОЛЕГ», а сверху лежит пригвождённая черная шапка с белыми кляксами.

– Папа! – крикнула Таня, едва выйдя из буханки.

Даша хватает дочку за руку, и не отпускает.

– Мама, пусти!

Даша крепко сжала руку Тани, несмотря на осуждающий взгляд Савелия Карповича.

– Ну, привет! – поздоровался Матвей с надгробием, – Вот, привели по твоему заказу. Встречай!

Матвей окидывает рукой стоящих позади Дашу и Таню. Даша держит девочку «на коротком поводке», обливаясь слезами, и не желая ступить ни шагу. Даша все время проговаривала фразу «Издалека! Издалека! Только издалека!». Таня начала бить маму руками, пытаясь высвободиться, но Даша ухватила за дочь второй рукой. Она обняла Таню, и начала силой затаскивать в машину.

– Мама, пусти! – кричала Таня

Савелий Карпович и Матвей молча стояли и наблюдали за всем этим. Даша затащила Таню в машину, но у той подключились ноги – девочка ногами начала отпихивать маму от себя. Завязавшуюся возню решил пресечь Савелий Карпович. Он растащил конфликтующие стороны по углам буханки.

– Ты прекрати валять дурака, и дай дочери подойди к надгробию – это же просто камень! – рычал Савелий Карпович, – А ты, не пинай маму ногами. У нее не все дома, но это временно. Другой мамы то нет!

После этого, Савелий Карпович с гордо поднятой головой, прошел мимо Матвея.

– Мужик! – завистливо сказал Матвей.

– Да! Мужика то им не хватает обеим, – задумался Савелий Карпович.

Из салона буханки сначала вылезла Таня. Она посмотрела в салон, на маму, потом на Савелия Карповича. Медленно, склонив голову, Таня прошла к надгробию. Прислонившись к нему, Таня тихо заплакала.

– Черная шапка с белыми кляксами, – молвила Даша, подойдя к Савелию Карповичу и Матвею, – Это я купила ее Олегу. Он ее жутко невзлюбил, а сам ведь взял с собой. Говорил «Не люблю!», а в душе радость сердце обливала.

– Он вечерами смотрел на эту шапку, вспоминал тебя, – сказал Савелий Карпович, – Он мечтал утонуть в твоих волосах, ощутить тепло твоих рук. Ты, вот, обижаешься, а он

никогда...

Даша также прислонилась к надгробию. Лесотундра притихла. Ветер отступил. Редкие звуки трескающейся кромки льда сотрясали округу. Лучи солнца играли в разнообразные фигурки людей и существ, пронизывая ветви окутанных льдом деревьев. Стадо северных оленей пробежало мимо надгробия. От их копыт исходил пар, а рога разрыхляли прохладный воздух гулкими звуками. Откуда ни возьмись, раздался раскат грома.

– Гром? – удивилась Даша, – На северном острове гремит гром?

– Нам пора, – сухо сказал Матвей.

– Я хочу еще побыть здесь! – возмутилась Таня.

– У нас самолет через пару часов, – Даша взяла Таню за руку.

Даша заметила, что после раската грома Савелий Карпович и Матвей изрядно занервничали. Девушка старалась не подавать виду, мало ли. Но во время обратной дороги все решилась задать вопрос.

– Так откуда взялся гром? Аномалия?

– Да, такое бывает, – ответил Савелий Карпович.

Буханка резко останавливается около большого и кристально чистого озера. Матвей убирает руки от руля. Савелий Карпович напряженно смотрит на Матвея, после чего кричит: – Ложись!

Над машиной раздается сильнейший раскат грома. Мат-

вей три раза перекрещивается, накрывает голову руками, и утыкается в руль.

– Что случилось?! – забеспокоилась Даша.

– Ложитесь на сидения, не подымайте головы, не смотрите в окно! – сказал Савелий Карпович, зажмурив глаза.

Даша заерзала на сидение. Сначала она не понимала, что происходит. Смотрела по окнам, на небо. Ничего.

– Мы не можем ехать дальше?! – Даша дергает Матвея за руку. Но ответа не последовало. У Даши начинается паника. Она хватается Таню, прячет ее голову в своей груди, закрыв ей глаза. А сама, суматошно смотрит по сторонам.

– Ты закроешь свои глаза, или мне сделать это силой? – рыкнул Савелий Карпович, чья голова резко повернулась назад. Лицо полярника изменилось: огромные впадины от морщин сочетались с горящими от злобы глазами, – Я же приказал тебе лечь на сидения! Даша, ты растеряла свое серое вещество?

Даша недоуменно смотрит на Савелия Карповича. Добродушный дядька-полярник был больше похож на черта из табакерки. Савелий Карпович протянул свою руку, и силой заставил Дашу опустить голову.

– Да перестанешь ты мне перечить! – визгнул Савелий Карпович, – Почему ты меня не слушаешь, когда я тебе говорю? Негодница! – полярник стукнул рукой по бардачку.

– Мама, я умираю, – сказала Таня, уткнув свой нос в грудь Даши.

– Что?! – с обезумевшим криком, Даша поднимает голову дочери, начинает ее трясти, – Что случилось, Танюш?

– Я умираю, – почти бездонно стальным голосом произнесла девочка.

Даша начала щупать дочку, трясти, поглаживать, вздыхать.

– Помогите! Чего вы сидите? – кричала заплаканная Даша полярникам.

– Ты отказалась мне подчиняться, – фыркнул Савелий Карпович, оборачивая голову в сторону озера, – Не хочешь, как хочешь.

– Но моей дочери плохо!

– Она просто умирает. Чего ты хочешь от нее? Жизни? Сначала мне подчинись! – полярник вытянул шею, дернув Дашу за волосы руками, – Я тебя воспитываю, воспитываю, трачу время, силы, а ты... Ты, просто, берешь и перечишь мне на ровном месте!

– Мамочка, я люблю тебя! – Таня без чувств болтается на руках у зареванной Даши, которая не знает что делать.

– Таня! – взревела Даша, – Матвей! Матвей! Хоть ты! Помоги!

– Я просто хочу ее смерти, – Матвей делает резкий поворот в сторону Даши, не открывая глаз, – Вижу, как твоя дочь лежит в гробу, в цветах, посреди кристально чистого озера, а-ах! – смотри! – Матвей протягивает руку в сторону большого озера.

Посреди большого и кристально чистого озера, стоит открытый гроб, в котором лежит Таня. Она укрыта оленьей шкурой, под ее головой спрятаны оленьи рога – их макушка выпирает из под белого пледа. Гроб стоит прямо посередине озера, в котором зеркалит светло серое небо.

– Скоро ее оденут в белый саван, – сказал Матвей, – И она улетит далеко-далеко, что не догонишь!

Даша раскрыла глаза. Она дергает Таню, колошматит ее. Смотрит на тело своей дочери возле себя и на ее тело в гробу, на озере. Не понимает происходящего. Кричит, приговаривает «Таня, Таня, что с тобой!»

– А ведь я тебя воспитывал, – зарычал Савелий Карпович, склонив голову в стороны Даши, – Давал тебе все, а ты привела меня сюда. На эту безлюдную землю. Где мы? Что мы тут делаем? Тут повсюду смерть!

– Мама, я мертвая, – произнесла Таня, – Смотри, я встаю! Даша изумленно посмотрела на свою дочь, а потом на гроб посреди озера. Таня стоит в оленьей шкуре, в гробу, среди озера, расставив руки по разные стороны. Даша закричала и начала биться в истерику. По двери буханки, снизу, шмонькая по стеклу, появляется черная костлявая рука. Она медленно ползет вверх, издавая липкий и противный звук.

– Мама, прощай, – сказала Таня.

Таня широко открыла свой рот, ее зубы выросли в клыки. Даша отлетела к окну, смотря диким взглядом на свою дочь.

– Не уберегла ты меня! – произнесла нечеловеческим го-

лосом Таня, – Не достаточно опекала, мама! – сказала Таня, и ударила Дашу по лицу рукой. Даша ударяется об стекло и отключается.

– Даша? – раздался голос Савелия Карповича, – Даша, очнись!

Даша приходит в себя. Через череду криков, девушка открывает глаза. Она лежит на диване, в зале-гостиной метеостанции «Нум». Даша ошалело смотрит по сторонам. Перед ней стоит Савелий Карпович, на кухне кашеварит Матвей. Рядом сидит Таня.

– Что? Где я? Что произошло?

– Возле могильного камня у тебя началась истерика, – сказал Савелий Карпович, – Ты начала просто кричать и плакать. Говорить про какой-то гром, озеро, Таню, стоящую в гробу в оленьей шкуре.

– Так это... Это мне привиделось? – Даша кинулась к удивленной Тане, обнимая и лаская ее.

– Мы тебя еле затащили в машину, связали по рукам и ногам, – Савелий Карпович протягивает Даше стакан с чаем, – Ты как будто была одержимой.

– Не делай так больше, мама! – произнесла Таня, прильнув к руке Даши, – Я очень сильно испугалась!

– Некоторое время ты была в каком-то своем мирке, – за-

думчиво сказал Савелий Карпович, осторожно глядя на Матвея. Матвей трижды перекрестился.

Даша обволокла Таню, не держа слез. Полярник отошел от них.

– Кто-то так уже делал, – сказал Савелий Карпович Матвею, – Чем дело кончилось, мы знаем.

– Мы не можем чем-то помочь, – смиренно произнес Матвей, – Главное, что будет делать Таня. Ибо от ее действий зависит то, как мы проживем ближайшие сутки.

– А Даша? – Савелий Карпович зажигает духовку.

– Она слаба, – Матвей смотрит поочередно на Дашу и на икону Божией Матери, стоящей на полочке, – Да поможет ей господь!

Савелий Карпович прошел обратно, к дивану. Полярник присел, вытер руки об штаны, немного помолчав, широко улыбнулся.

– Тут такое дело, – начал Савелий Карпович, – Вобщем, время уже послеобеденное. Даша, вы никуда не улетели.

– Что? Как это так? – обеспокоенно произнесла Даша.

– Салехард накрыл сильный буран, все полеты прекращены на сутки. По радио передали, – Савелий Карпович взглянул на задумчивого Матвея. Матвей щурил глаза, смотрел на Таню, будто что-то шепча губами.

– Но и это еще не все... – Савелий Карпович замялся.

– Что-то еще?

– Да. Со стороны Карского моря идет мощнейшая снеж-

ная буря. Она идет прямо на нас, будет к вечеру. Буря пройдет до Салехарда, где соединится с тамошним бураном. Даже не знаю, сколько мы будем отрезаны от цивилизации...

– Боже мой! – Даша начала грызть ногти.

– Такие бури здесь – явление частое. Ничего страшного нет, если не выходить на улицу. Будем сидеть у печки, читать книжки!

– Мне нравится такое времяпрепровождение! – воскликнула Таня, убежав на второй этаж, к книжному стеллажу.

– Но, как же учеба? – ненавязчиво спросила Даша.

– Даша, расслабься, – Савелий Карпович похлопал девушку по плечу, – На могилку, к Олегу, вы съездили. Непогода – дело временное. Как все утихнет, кукурузник вас заберет! Учеба – дело наживное. Зато у Тани будет тема для сочинения «Как я прогуляла уроки»!

Даша робко улыбнулась, взглянув в окно. Ее лицо напряглось, глаза наполнились слезами.

Матвей поднял Савелия Карповича, и отвел к кухне.

– Идут Великие Проходы, – шептал Матвей Савелию Карповичу, – Пока все идет так, как я видел во сне, как говорила Хадне. Понимаешь? Великие Проходы зайдут на середину октября, их тайна откроется дитю севера и его одержимой матери... Помнишь? Я так сказал, проснувшись, месяц назад. А потом то же самое произнесла Хадне, глядя на огонь!

– Матвей! – Савелий Карпович отвел Матвея в его рабочий кабинет, – Девочка должна их увидеть! Хадне описыва-

ла ее именно такой!

Савелий Карпович едва прошел на кухню-гостиную.

– За мгновение до смерти, Олег сказал, что его дочь станет хранительницей Халэвнго, – шептал вдогонку Матвей, – Я тогда не обратил на это внимание, но теперь...

Савелий Карпович обернулся. На его лице проявилась озабоченность. Он смотрел на Таню, листающую книжки о ненецкой мифологии.

– С Нумом она, по крайней мере, уже знакома, – сухо резюмировал Савелий Карпович.

Скрип гроба в шкафу

Время – 16.35. Даша стояла у окошка, мяла пальцы, грызла ногти. Она наблюдала за стремительно растущим ветром, выворачивающем тундру на дыбы. Таня зарылась в книжках, в своей комнате. Она так увлеченно читала, что не обратила внимания на старый косой шкаф, укрытый тьмой помещения. Дверца шкафа бесшумно открылась, и из нее высунулась человеческая рука. Она проползла по дверце шкафа, и шкрябая ногтями ушла обратно во тьму. Таня краем глаза обратила внимание на шкаф. Она подошла к нему, осмотрела, и закрыла дверцу. Снова зарывшись в книжки, девочка не обратила внимания на вновь открывшуюся дверь. Только на этот раз, тьма шкафа отворила дверцу полностью. И из темноты, в комнату, шагнул тот самый хромо́й чело-

век из тундры, которого Таня видела во сне. Он проковылял до девочки, и наклонился. Бледное, обезображенное лицо, смотрело на девочку. Хромающий человек открыл рот, из которого повалились не прожеванные куски мяса. Таня почувствовала присутствие сзади. Осторожно обернувшись, она никого не увидела. Едва ее взор снова опустился на книги, как хромающий человек, появившейся из ниоткуда вновь, вытянул свои руки за ее спиной. Таня резко оборачивается назад, но снова никого.

– Как люди живут здесь? – спросил Даша, глядя на первые ростки снежной бури.

– Так же, как и везде, – Савелий Карпович точил ножи на кухне, – Точно также можно задать вопрос «Как люди в Африке живут?»

– Тут жутко. Я не представляю, как вы с Матвеем здесь живете, – Даша присела на диван, укутавшись одеялом.

– Нам помогает Нум.

– Нум? Кто такой Нум?

Савелий Карпович отложил ножи в сторону. Он посмотрел на часы, посмотрел на погоду за окном. Полярник громко хлопнул в ладоши. Из кабинета высунулся Матвей.

– Надо согреть чай, достать печеньки, да собраться всем у камина! – радостным голосом сообщил Савелий Карпович, – Время рассказать историю сотворения мира!

Матвей снова исчез в своем кабинете. Матвей прошел к столу, где лежит книга, которую он пишет. Матвей осушил

перо, закрыл чернила, поцеловал висящий на стене крест, взглянул на фотографию маленького мальчика, стоящего на бордовом фоне. Фотография выглядит старой. На ней мальчик стоит в белой рубашечке, в крапинку, штанишки на подтяжках, беззаботное улыбающееся лицо. Матвей взял фотографию в руки, вынул из рамки, оглядел ее обратную сторону. На его лице нарисовалась улыбка, из глаз потекли слезы. На обратной стороне была надпись, написанная ручкой на тонком картоне. Матвей провел по ней рукой, и вернул фотографию в рамку.

Даша поднялась наверх, чтобы позвать Таню послушать истории Савелия Карповича. По коридору второго этажа разбросаны книги. Даша собирала их, расставляя обратно, на стеллаж. Зайдя в комнату к дочери, Даша обратила внимание на царящий там беспорядок: кучи книг, по полу распластаны пододеяльник, подушки, простыни. Таня стоит у окна, глядя на тундру.

– Что ты натворила? – удивилась Даша, – Какой тут бардак, как нехорошо! Надо бы убрать!

Даша прошла в комнату, собирает книги, застилает постель.

– Таня, ну ты бы хоть помогла!

Но девочка не отреагировала. Она стояла неподвижно,

будто бы не живая. Даша осторожно подошла к девочке, легонечко дотронувшись до нее. По телу Даши пробежал легкий холодок. Девушка застыла в незыблемом страхе, на ее лице проросли морщины. Даша отшатнулась, но ее за руку ухватила Даша. Девочка показала рукой на тундру, посреди которой стоял хромо́й человек. Хромо́й человек держал в руке воздушный шарик, его лицо было обмазано красным.

– Я общалась со смертью, – сказала лязгающим голосом Таня, будто бы говорил не ребенок, а старушка, – Она принесла мне черный саван. Я одела его, неся тяжкий крест, обураваемая тоской и печалью, слушающая гул тундры и шепот кристально чистых озер. Среди болотистых чащоб зарыт родной мне человек, он плачет тихо-тихо, в закрытом склепе на дне. Мой черный саван окутал ветер, он разнес его концы до всех концов этого острова, окунув их в воды вечной мерзлоты.

Даша опешила. Она тряхнул Таню, та опустила руку. Хромо́й человек с воздушным шариком исчез. Девочка посмотрела на Дашу.

– Мама, ты так красива и юная! В тебе так много сил и энергии! Одень же тоже черный саван, давай ка ляжем возле папы, на дне!

Даша задергала девочку, ее лицо покраснело.

– На помощь! – вскричала Даша, – Савелий Карпович! Матвей! Тане плохо!

– Давай умрем, перестанем дышать! – молвила Таня,

смотря прямым взглядом на Дашу, которую обуяла паника, – Я люблю открытые гробы. На них садятся голуби, с ангельскими лицами. И они поют нам песни обетованных небес.

Таня вырвалась из рук Даши. Девочка прильнула к окну, продолжая старушечьим голосом говорить.

– Средь густых зарослей болотистой чащобы, на кромке тонкого льда, стоим мы, вдвоем, с папой, в открытых гробах. Лед скрипит под нами, но не проваливается, свистит дикий промозглый ветер, но он не сыщет в нас врага.

Даша закричала что есть мочи. Она выбежала из комнаты, но ей путь преградили падающие со стеллажа книги.

– На помощь! Моей дочери плохо!

Но на крики Даши никто снизу не отозвался. Девушке это показалось странным, но пройти дальше ей не давал бесконечный поток падающих книг со стеллажа. Даша обратила внимание и на это. Она недоумевала, как это возможно, протерла глаза, надавала себе пощечин, даже кинула за руку. Но книги продолжали со шлепками падать. Их не становилось меньше. Заколдованный стеллаж намеренно заблокировал Дашу в этой части коридора.

– Савелий Карпович! – вскричала от безысходности Даша, но снизу откликов как не было, так и нет.

Даша вернулась в комнату. Таня лежит на постели, ее бледное лицо укрыто черным платком. Ее руки сложены на груди крест на крест, тело укрыто одеялом, а на ногах белые тапочки. Даша взревела, подбежала к дочери, содрала

платок с лица. Лицо Тани было безумным: лошадиная улыбка сочеталась с высоко поднятыми и выразительными бровями, а глаза закрыты серой пеленой. Из ушей Тани текла тонкими ручейками кровь. Даша сняла одеяла, хотела взять девочку на руки. Но тут, из темной стороны комнаты послышался скрип половицы. Из темноты вышла рослая фигура Олега – мужа Дашы и отца Тани. Осиная талия, накаченные руки, рыжие волосы и... белое лицо, торчащие углы скул, черные глазницы смотрят холодным и режущим взглядом. На Олеге надета серая роба. Олег шел к кровати Тани, тяжело дыша, от его голых ступней половицы истошно издавали грузный скрип.

– Ты? – сквозь стук губ произнесла Даша.

– Пойдем со мной, – раздался тройной голос Олега, в котором сочетался мужской баритон, голосок шестилетнего мальчика и старушечий кашель.

– Куда? – спросила Даша, вставая на пути бледной фигуры Олега.

– Домой, – Олег показал на тундру, еле видимую сквозь усиливающийся буран в окне.

Даша пригляделась. Она признала в Олеге чудовище, а не своего мужа. Развернувшись, Даша уверенно бросилась к Тане, пожелав ее унести из комнаты. Девушка не заметила, как с другой стороны кровати к ней тянулась бледная фигура Олега. Его зловещее лицо с черными глазницами приближалось к Даше.

– Обернись! – послышался голос Тани откуда-то сзади, – Обернись, мама!

Даша оборачивается. Она видит, как в дверном проеме стоит Таня, а позади нее пространство заполнили огромные белые совиные крылья. Даша изумленно смотрит на лежащее тело девочки на кровати и на стоявшую дочь в дверях.

– Скорей сюда, мамочка! – вновь произнесла Таня.

Даша ринулась к двери, схватив Таню за руку. Белая сова замахала своими могучими крыльями, и дверь в комнату начала закрываться. Олег и inferнальная часть Тани раскрыли свои рты и издали протяжный вой. Они помчались к двери, но она захлопнулась прямо перед ними. Белая сова полетела куда-то вниз. Даша обняла Таню крепко-крепко.

– Что это было?! – спросил Даша.

– Злыдни, – грозно фыркнула Таня, – Они пытаются разъединить нас!

– У них же не выйдет? – неуверенно спросила Даша.

– Я не позволю, – сказала Таня, примкнув к груди своей мамы.

Даша и Таня спустились вниз. За столом, у дивана, сидели Савелий Карпович и Матвей.

– Вы видели сову? – спросила Даша, присаживаясь с Таней рядышком, – Большую и белую?

Савелий Карпович и Матвей отрицательно покачали головами.

– Но как же? Она же сюда улетела!

– Ты была на втором этаже не более минуты, – сказал Савелий Карпович, – За это время я едва успел вспомнить историю сотворения мира.

Даша как будто бы комок в горле проглотила. Сделав непосильно трудную для нее улыбку, Даша передернулась внутри.

– Я кое-что уже знаю! – важно подметила Таня.

– Ты меня дополнишь, если захочешь! – похлопал девочку по плечу Савелий Карпович.

Матвей вознес свою руку над свечами, стоящими по середине стола.

– Все, что вы увидите и услышите, есть космический дар немислимой силы, – бормотал Матвей, закрыв глаза, – Пользуйтесь его благами и не страшитесь тьмы, ибо она также является дитем Творца, скрывая пока еще не созревшую мощь.

Пламя свечи потянулось к ладони Матвея. Когда пламя коснулось ладони, зал залила яркая вспышка.

Глава II. Столпы мироздания

Из бескрайних глубин космоса, на еще пока только водную планету Земля прилетела гигантская птица, чьи крылья рассыпали звезды, а хвост истончал белесую вспышку, будто бы сие и есть окончание кометы. В своих лапах, эта могучая птица несла маленькие газообразные шары, которые она раскидывала по орбитам. Из ее клюва изрыгались сгустки огня, а перья красили галактики в самые разнообразные цвета. Глаза гигантской птицы вертелись по кругу, переливаясь в черный и багрово позолоченный цвета – то были черные дыры. Птица подлетела к Земле, низвергнув сгусток огня, который летал вокруг планеты до тех пор, пока не остыл, и не обрел округлую форму. Этот шарик не мог вращаться сам, но из-за своей близости к Земле, увязался за ее приливами и отливами.

Гигантская птица вошла в свои атмосферы. Небо разверзлось огненными лучами, претворяя ее приход. Птица летала над водой семь дней и шесть ночей. Пока, однажды, птица не ввергла свои могучие лапы в пучину морскую, и не вытащила со дна ком земли. Этот ком птица вознесла до небес, обдав его огнем, и нося еще семь дней и шесть ночей по небу. Когда же земля затвердела, птица начала раскидывать ее куски по разным частям планеты. Так выросли континенты, горы, холмы и каньоны. Затем, птица прошлась еще раз ог-

нем по суше, после чего пошли ростки травы, цветов и деревьев. Улетая, птица сбросила несколько своих больших перьев в небеса. Могучий земной ветер расположил эти перья вертикально, друг над другом. По воле неведомой космической силы, перья не упали, а остались в небесах. Спустя какое-то время, на них упало несколько астероидов, из которых вышла неведомая доселе на Земле живая и божественная сущность. Двуногие, высокорослые, с четкими и острыми формами лица. Они назвали самое длинное и огромное перо Верхним миром, и построили там семь чертогов, семь небес. Второе перо, поменьше, получило название Среднего мира. На него живые и божественные сущности поселили животных и зверей, шаманов и колдунов. Третье перо, самое мелкое, с большим количеством оборванных пёрышков и крайне неровное стало Нижним миром.

Живые и божественные сущности жили на этих перьях долгие тысячи лет. Пока не получили еще более могущественные способности творить и созидать за границами своих владений. Им дали право населить континенты. Нижний мир ушел под воду, став вотчиной злыдней и инфернальных духов, перо Среднего мира вошло в состав суши, дав расселиться по ней животным, зверям, шаманам и колдунам. И лишь Высший мир остался в небесах, став невидимым.

Правитель Верхнего мира, божество по имени Нум, дал наставления своим сыновьям, живущим на семи чертогах, помочь колдунам и шаманам создать людей. Так, сначала бы-

ли сотканы фигуры людей из воды, потом их обожгли и поставили сушиться на высокогорных пиках, под лучами солнца. Когда фигуры обсохли, их стащили обратно, на сушу. Колдуны получили от Нума могущественную космическую силу, при помощи которой они вдохнули жизнь в безмолвных истуканов. Так появились первые люди. Завистливый правитель Нижнего мира, брат Нума, бог Нга, обидевшийся, что его не привлекли к сотворению людей, стал обижать их, соблазнять и наставлять на плохие поступки. Нга сотворил из камня грешную правительницу Дан`кату, которая должна была соблазнять людей на плохие поступки. После совершения злодеяний, люди попадали к Нга, и мрачный бог делал из них беснующиеся души. В противовес Дан`кате, Нум создает из того же камня ее светлую противоположность – Дян`кату, правительницу Земли, наставляющую людские души на благие дела. На многие года установилось равновесие.

Нум не оставлял своих сыновей и сыновей его сыновей. Облачаясь в огромную белую сову, Нум спускался с Верхнего мира, где помогал особо сильным людям в преодолении тягот, проблем, испытаний. По предложению Вылы, одного из сыновей Нума, правителя шестого чертога, каждый регион Земли наделялся хранителем – человеком со сверхъестественными способностями, какие были только у богов Семи чертог. Этот хранитель выискивался среди простых граждан, после чего отправлялся в нужный регион, где сталкивался с различного рода опасностями, препятствиями, по прохож-

дению которых ему даровалась космическая сила и основная задача – оберегать покой своего региона от приспешников Нга. Последний, к слову, не растерялся. Нга извлек урок из хитрого хода Нума с хранителями, и стал посылать в Средний мир эфемерных злых существ – нгылек. Нгылеки обычно не имеют какого-то определенного внешнего облика. Как правило, нгылеки обретают образ того существа, которого человек или боится потерять, или же просто не любит. Придя к человеку в том или ином обличии, нгылека начинает парализовать и сковывать его тело страхами, фобиями и комплексами. А потом насылает страшные боли, заставляя человека мучаться. В конечном счете, человек умирает, а нгылека забирает его образ себе.

Нгылеки приходили в людские поселения из ледяных вод океана. Колдуны и шаманы стали бить тревогу, поскольку не имели возможности противостоять нгылекам. Нум долго летал в виде совы среди людей, изучая повадки эфемерных существ. Пока не придумал способ, если уж не вывести нгылек полностью, то, по крайней мере, отбросить их от человеческих душ. Нум выдернул из самого большого пера Верхнего мира перышко, и соткал из него Минлея – огромную птицу, с семью парой железных крыльев. При помощи этих крыльев, Минлей создает ветер. Бытует поверье, что молния и гром свидетельство того, что где-то рядом Минлей (где гром – хлопанье его крыльев, а молния – свет очей его глаз). Но у Минлея есть еще одна немаловажная функция – птица

забирает нгылек, унося их в океан, где сбрасывает в холодные воды. Холодный океан – врата в Низший мир, обитель нгылек. Они выходят оттуда, а Минлей их туда возвращает.

Нга долго гневался появлению Минлея, но ничего противопоставить не мог. В качестве торжества светлого начала, Нум создает Великие Проходы – нечто сакральное и чудесное, необыкновенное и сказочное. Увидев которые однажды, сложно остаться самим собой, прежним. Меняются взгляды, меняются манеры и повадки, в жизни появляются масса положительных и действительно хороших событий. Среди древних бытует поверье, что увидевший Великие Проходы познает тайну счастья в жизни. Поэтому, когда едва Великие Проходы показывались на горизонте, жизнь в людских поселениях замирала. Люди бежали смотреть, как горизонт тает на глазах. Происходит великое природное чудо, и люди стали поклоняться Великим Проходам. Приспешники Нга пробовали завлечь Великие Проходы на свою сторону. Но посланные нгылеки сбрасывались в океан, а деяния Дан`каты уже давно не имели результата – люди научились предугадывать поползновения злыдней, и чуть что, сразу же звали или Минлея, или же посыпали злое место (или злого человека) пеплом от костра – огонь всепоглощающ, даже, когда уже потушен. Злыдни терпеть не могли священное космическое пламя, и поэтому моментально исчезали.

Дальше, действие переносится уже в знакомую нам тундру острова Халэвнго. Нум, в виде огромной белой совы, спускается с небес, входя в огромную черно-белую воронку, крутящуюся над тундрой. Пролетев сквозь нее, Нум прорезает стадо белых оленей. Подлетает к надгробию в лесотундре, и видит идущую к нему маленькую девочку. Сова раскрыла свои могучие перья, и начала трясти. Деревья послушно сбросили со своих вершин снежные шапки на грязную тропинку – чтобы девочке было проще идти. Девочкой оказалась Таня, идущая к надгробию Олега. Только Таня доходит до надгробия, как из под земли вылезает облезлая рука. Сова ухугает и отлетает от надгробия. Перед Таней во весь рост вырастает фигура Олега. Белое, худошавое лицо, серая роба, но... бесконечно бездонные голубые глаза. Таня бросается к Олегу, и он обнимает ее. Она спрашивает Олега «Почему он бросил ее и маму?», на что мертвец с сожалением отвечает, не хватило сил. Не хватило сил! Преодолеть себя, свои противоречия. И этой слабостью воспользовались нгылеки, буквально съевшие его живьем за несколько дней. Олег заплакал. Сова ухугнула еще раз. Олег посмотрел на нее, вытер слезы.

– Ничего, девочка моя, – сказал Олег, – Ты выдержишь, а вот мама твоя...

– Я тоже боюсь за нее, – сказала Таня.

– Я рядом, ты только позови, – произнес эту фразу, Олег

начал утопать в земле. Он опускался все глубже и глубже. Когда над землей осталась только одна голова, Олег сказал: – Я люблю тебя, хранительница Севера!

Олег скрылся под надгробием. Сова подлетела к Тане и накрыла ее своим большим крылом. Мгновение во тьме, и Таня оказывается в зале метеостанции. Яркая вспышка прошла, и в себя вернулись остальные. Матвей последним открыл глаза, наблюдая, как свеча под его ладонью расстроила свое пламя.

– Так был создан наш мир, – сказал Савелий Карпович.

– Надо же... – задумалась Даша, – Я никогда не думала, что именно так.

– Лишь только здесь, в лоне природы открываются истинные знания, – Матвей затушил свечку пальцем, и посмотрел на Таню: – Пойдем ко мне в кабинет, есть разговор.

Матвей завел девочку в кабинет, и призакрыл дверь. Матвей подозвал Савелия Карповича.

– Я отвлеку Таню, а ты выведи его отсюда, – шептал Матвей, кивнув головой в сторону Даши.

– Я сразу почувствовал холод, – пробурчал Савелий Карпович, – Будто бы мы не одни смотрим священный огонь!

Савелий Карпович загадочно посмотрел на Дашу, чье лицо три раза переменялось и перекошилось.

– Что-то не так? – спросила Даша.

– Нам надо выйти, одевайся, – сказала Савелий Карпович, разминая руки.

В это время, в кабинете, Матвей одевал Таню.

– Снежная буря усиливается, – сказал Матвей, – Скоро должен быть толчок. Земля погудит немного, и успокоиться. Нам надо быть снаружи.

– Почему? – спросила Таня.

– Ты должна ИХ увидеть! – Матвей прислушался.

Матвей попросил Таню затаить дыхание. Кто-то неизвестный стоит за дверью. Матвей подобрел к ней украдкой, и прислушался. Таня взяла «Бытие Севера», она листала странички, зачитывая выборочно строчки из него.

«В зените октября появляется она, средь берегов великой Волги и могущества Жигулевских гор. На другом конце страны, средь вечной зимы и мерзлоты, в меховой упряжке седого оленевода, под звездными лучам доброты, появился ты – сын севера и океана, благой дар Нума и всей вселенной».

«Через оперенья большой птицы вижу я молодую кровь. Она приносит себя в жертву, даруя пищу для богов. Боги принимают жертву, даруют время на прибытие тех, чьи души незаметно изменяют мир всея вселенной».

«Мрачной синевой октября ознаменуется новый нисан, с небес откроются врата и сгинет в темень мрачность».

– Я не понимаю, – произнесла Таня.

– Матвей! Он за дверью! – раздался крик Савелия Карповича, – Я не сумел вывести его!

Матвей молча развернулся, прошел к Тане. Он забрал у нее «Бытие Севера».

– Да грянет сопротивление, которое я подавлю, во благо достижения цели и воцарения мира на благо, – сказав, Матвей хватает Таню и выводит из своего кабинета.

Таня начинает брыкаться и пинаться, но Матвей крепко держит девочку. С другого угла зала Савелий Карпович держит Таню, которая ревет и мечет.

– Куда?! Пустите меня! Отпусти мою дочь, демон! – кричит Даша, – Я увезу ее отсюда! Она никогда больше сюда не прилетит!

Даша вырывается из руки Савелия Карповича, и бежит к дочери. Матвей открывает дверь и выкидывает недоумевающую девочку на улицу.

– Сгинь, бестия! – рыкнул Матвей, и провел рукой перед бегущей Дашей.

Даша засмеялась старушечьим голосом.

– Вы не спасли Олега, не спасете его жену, – хохотала Даша лязгающим голосом, – Я и дочку их заберу, вот увидите, ха-ха-ха!

Матвей выбежал на улицу, захлопнув дверь. Таня бросилась к окну, но Матвей оттащил ее.

– Нельзя! Ты не помнишь видение со своим отцом? – вскрикнул Матвей.

– Мама! – закричала Таня, и увидел, как Даша начала колотить по стеклу. Савелий Карпович скрутил ей сзади руки, но она резким движением отбросил его в другой конец зала.

– Ты думаешь оказать мне сопротивление?! – хохотала

Даша inferнальным голосом, – Ты думаешь заставить вернуться ее душу, прекрасно зная ее страх за жизнь дочери?

Савелий Карпович молча встал. Полярник прошел к Даше, но та ударяет мужчину по животу кулаком. Савелий Карпович с кашлем на пару проламывает стенку кабинета Матвея.

– Ага! – хохочет Даша, – Вот и «Бытие Севера»!

Даша едва дотрагивается до книги, и мощнейший выпад энергии сотрясает метеостанцию. Даша падает без чувств.

– Что? Не рассчитал силу космического огня, злыдень? – усмехнулся Савелий Карпович, отряхивая одежду от пыли.

Савелий Карпович едва начал движение, как перед ним возникла его Матушка. Она стояла в белом платье, с красным пояском. Ее волосы окутаны в голубой платочек. На ее лице слезы, окропляющие тонкие ущелья морщинок на лице. Матушка стоит с платочками, теми самыми, что она сшила для своих сыновей.

– Сыночка, родной мой! – легким звонким голоском произнесла Матушка, – Иди ко мне, мой сладкий! Я так по тебе скучала!

– Мама, – Савелий Карпович всплакнул. Его губы задрожали, а лицо покрылось краснотой, – Я так виновен перед тобой! Мама, мне так не хватает твоей заботы!

Савелий Карпович поднимает руки и идет к Матушке. Он не слышит стук в окно – Матвей машет руками и кричит «Стой! Это обман! Это нгылека!», но Савелий Карпович

одурманен.

– Я прощаю тебя, ведь ты мой родной сын! – говорила Матушка, – Как же я могу злиться на тебя? Для родителей дети – самое главное сокровище в жизни, каким бы они не были!

– Мама, прости! – Савелий Карпович упал перед ней на колени, – Останься со мной, здесь! Не уходи! Я так тоскую по твоей руке, по твоему голосу. У меня... даже нет твоей фотографии, мама!

– Помни о сыне! – раздалось эхо Хадне. Шаманка выплыла из воздуха, и дотронулась до головы Савелия Карповича, – Встань на ноги, Сава! Не иди на поводу у эмоций! Они – продукт лжи и страха!

Хадне грозно смотрела на Матушку, которая заскалила зубы. Хадне исчезла, и Матушка вытащила из ниоткуда топор.

– Я прощаю тебя, мой сыночек, – ласково произнесла Матушка, – И с этого момента мы навсегда будем вместе!

– Помни о сыне! – раздался голос Хадне в голове Савелия Карповича.

– Сын?! – спросил полярник сам себя, – У меня же есть сын!

Савелий Карпович поднял голову.

– Пошел прочь, эфемерный выродок! – Савелий Карпович резко ударил кулаком по животу Матушки.

Матушка взревела и видоизменилась в хромового мужчи-

ну с воздушным шариком в руке.

– Прозрел таки, опарыш! – хохотал хромой мужчина, и испарился.

Внезапно вскочившая на ноги Даша сшибла Савелия Карповича с ног. Она выбежала на улицу, где увидела Матвея, крепко держащего Таню. Снежная буря превратила тундру в постоянно движущийся поток белых пятнашек, сквозь которые еле-еле проглядывается синева.

– Мама! – вскричала Таня.

Едва Даша двигается с места, как ее шею опоясывает ледяная цепь. Ледяная цепь тянется к рукам бледного Олега, который улыбнувшись, подмигнул Тане своим черным глазом, и повел Дашу в тундру.

– Он уводит ее в океан, – сказал Матвей, – Савелий Карпович, помоги ей!

Выбежавший на улицу Савелий Карпович пошел по следу Олега и Даши. Раздается мощнейший толчок – земля задрожала и заходила ходуном.

– Это они! – Матвей развернулся в сторону Карского моря, – Таня, это ОНИ!

– Кто они? – спросил девочка сквозь промозглый ветер.

– Великие Проходы! – торжественно произнес Матвей и отпустил девочку.

Великие Проходы

Буран несколько притих, и вместе с ним ушел в штиль ветер. Небо затянули темно-синие облака. В нижней части небосклона, близко к горизонту огромный диск луны неприветливо освещал залив Обской губы. Раздается повторный толчок, от которого сотрясается земля. Таня замечает движение темноты над заливом. Перед ее изумительным взором, облака стали разрываться на мелкие кусочки, будто бы меняясь друг с другом местами. Воздушные змеевидные массы белесыми бликами засверкали в ночи. Вода в Обской губе вздыбилась, образовалось нечто, вроде цунами, которое могучей своей массой пошло на берег. Раскатыстые волны штурмовали мерзлое побережье Халэвнго, разбиваясь об кусочки льда. К земле, с облаков, пошел потоком пар. Его обгоняли миллионы капель замерзшей воды. Буран вел себя, словно холерик, стоящий в очереди в регистратуру – то и дело вспыхивал, и неожиданно угасал. Как вдруг, ночную синеву рвет на части протяжный рык. От него по тундре разнеслось гулкое эхо, сотрясшее немногочисленные леса. Рык повторился еще несколько раз, и Таня от удивления раскрыла рот. Ее глаза загорелись космическим пламенем, и стоящий позади Матвей не мог сдержать приступов радости.

– Это они! Таня! Они! Нум почтует тебя этой радостью! Это божья благодать! – кричал Матвей.

– Я никогда не видела подобного... – сказала Таня, едва имея силу произносить слова. Настолько велико было ее удивление.

Гигантская, мохнатая исполинская лапа разверзла небо, громовой поступью вминаясь в земную поверхность. Эта исполинская лапа затмила весь горизонт. За ней осталась луна и небо, звезды и космос. Гигантская исполинская лапа, увенчанная по кругу слоем покатиистой шерсти. Вмявшись в землю, исполинская лапа, разрезая воздух, ушла в облака, ее заменила такая же лапа, но чуть подальше. Из облаков донесся рык, эхом растворяясь в тундре. Исполинские лапы медленно сменяли друг друга, шагая по заливу, пересекая остров.

– Что это за чудо природы? – спросил Таня у Матвея, не отрывая глаз от исполин.

– Великие Проходы. Детище Нума и богатство Земли-матушки, – величаво произнес Матвей, – Редакторы-строители земной поверхности. Там, куда они ступают своими исполинами, после начинается новая жизнь. Они – явное доказательство существования божественной сущности. Они прямое свидетельство, что мы не одни на Земле.

Исполинские лапы затмили горизонт. Вы только представьте их размеры, что не видно абсолютно ничего. Как будто бы Матвей и Таня даже не частички пыли по сравнению с ними, их вообще как будто бы нет! Страшно представить истинный размер Великих Проходов. Их тела сокрыты облаками, и остается лишь догадываться, что там... Какие

они, где их прячет Нум, и почему именно здесь выстроен их маршрут. Как их деятельность связана с природой, и как они вообще влияют на нее? Гигантские лапы. Их не заснимет ни один объектив камеры – просто не хватит разрешения. Таня стоит, и видит движение покатиистой шерсти, истончающей кристаллики замерзшей в небе воды.

А в это время, в тундре, нгылека, в образе Олега, ведет на цепи Дашу в океан. За ними бежит Савелий Карпович, утопающий в снегу и проступающей сквозь него болотистой заводи. Из заводей вырастают фигуры нгылек, обезображенные и бледные, они выли и тянули руки к Савелию Карповичу. Среди них часто мелькал нгылека в образе Матушки. Савелий Карпович закрывал от страха лицо, чем лишь привлекал к себе нгылек. На одной из заводей, Даша уходит под воду. Олег дергает за цепь, обвившую шею девушки, и вытягивает ее с болот.

– Ты утонешь только со мной! – шипел Олег.

Олег увидел бегущего Савелия Карповича.

– Останови его! – рыкнул Олег, показывая пальцем на полярника.

Из под снега, разбрызгивая ледяную воду, вылетает рослая фигура седовласого человека, в сером капюшоне и ребристой плащанице. Глаза человека покрыты тьмой, из облезлых щек течет вода, в руках он держит большую секиру.

– Прочь отсюда, человек! – прошипел седовласый мертвый воин, – Оставь ее или пожалеешь!

Савелий Карпович, завидев седовласого человека, решил его оббежать. Седовласый человек бросился на перерез. Возле очередного бугорка, седовласый человек машет секирой, и воздушной массой сносит Савелия Карповича. Полярник падает в снег, и его тело начинают засасывать мертвые руки, вылезающие отовсюду. Они тянут Савелия Карповича ко дну, полярник отчаянно сопротивляется. Седовласый человек подходит к Савелию Карповичу, и делает замах секирой. Над ним пролетает белая сова, и скидывает перо. Оно попадает в руку обессилевшему Савелию Карповичу. Полярник крепко хватается перо, и пишет в воздухе слово: «Минлей». Слово прогорает огнем, и от него шарахаются мертвые руки, отпустив тело Савелия Карповича. Седовласый человек с безумным визгом растворился в воздухе. Савелий Карпович оглядывается, замечает, что Олег уже далеко увел Дашу. Бросившись за ней, полярник всю дорогу говорил только одно слово: «Минлей». На берегу залива Обской губы, Савелий Карпович выбегает прямо на лед. Он почти настигает Дашу, и дотронувшись до девушки, что есть мочи кричит, обращая свой взор в сторону исполинских лап Великих Проходов: «Минлей, помоги! Минлей, помоги!»

Раздается раскат грома. Сверкает молния. С клубов облаков, к заливу спускается птица с семью парами железных крыльев. Минлей издает протяжный вой, который повторяет Олег. Завидев Минлея, Олег раскрыл до земли свой огромный черный рот. Глаза повыпали из его глазниц, цепь

рассыпалась на мелкие кусочки, а кожа покрылась черными волдырями. Минлей хватает лапами Олега, и уносит его прочь. Олег истошно кричал, но его становилось все сложнее и сложнее слышать. Минлей улетал куда-то, в сторону океана. Видимо, там он и сбрасывает всех нгылек в воду.

– Даша! – Савелий Карпович хватает падающую без чувств девушку.

Полярник приводит Дашу в нормальное состояние, трясая ее и делая пощечины по лицу. Даша резко приходит в себя.

– Таня! Где моя дочь?! – первое, что спросила Даша, ухватившись за Савелия Карповича.

– С ней все в порядке, – Савелий Карпович повернул голову девушки на исполинские лапы Великих Проход, – Смотри, какое чудо божественной сущности ты видишь. Вся мощь космоса в этих лапах, а что в облаках мы даже понятия не имеем!

Даша смотрела на Великие Проходы с максимально отвисшей челюстью. Будто бы привороженная, она не сводила с них глаз.

Марш Великих Проход продолжался около часа. За это время, Матвей, Таня, Савелий Карпович и Даша вернулись в помещение метеостанции. Снежная буря возобновилась с прежней мощью, когда последняя исполинская лапа рас-

творилась во тьме синевы облаков. Даша крепко обняла Таню, смотря широкой улыбкой на Савелия Карповича и Матвея. Матвей согрел чаю и достал из холодильника вкуснейший пирог с вишней собственного приготовления.

– Нум дарует нас благами, – сказал Матвей, разрезая пирог, – Откуда же нам взять вишню на северном острове. Но белая сова приносит нам ее, нас помнят, нам помогают, нас любят.

После вкуснейшего перекуса как-то не вязался диалог. Все находились под сильным впечатлением от произошедшего. Даша смотрела на Таню, ее руки перестали дрожать. Внутри выработалось невиданное доселе спокойствие. Даша аж плакала от удовольствия, ибо до сей ночи постоянно пребывала в напряжении. Матвей предложил пойти поспать. Предложение было встречено бурей молчаливых оваций. Когда на метеостанции погас свет, первое время казалось, что нгылека где-то рядом. Воеет ветер за окном, идет снег. Но, все в порядке. Белая сова прилетела из тундры, и села на крышу метеостанции. Сова сидела, не шелохнувшись, наблюдая за округой, и внимательно слушая дыхание спящих внутри людей.

Рано утром, первым проснулся Савелий Карпович. Он встал с дивана, прошел на кухню, налил воды, и долго, с удо-

вольствием пил. Взглянув на часы, Савелий Карпович широко зевнул. Глянув в окно, он подивился чистому небу и чрезвычайно красивой белоснежной тундре. Но, вдруг Савелий Карпович снова посмотрел в окно. Он увидел темное пятно, приближающиеся к метеостанции. Выбежав на улицу, Савелий Карпович пригляделся – пятно длинной вытянутой кишкой петляло между озер и болот. Полярник начал будить остальных, встретив немалое сопротивление – чары Морфея оказались сильнее. Пока на метеостанции бренчали чашки и блюда, кто-то заправлял постель, а кто-то умывался, с кухни раздался оглушительный крик.

– Все сюда! – кричал Матвей.

К метеостанции подъехала оленья упряжка. Выбежавшая на улицу Даша, по привычке прятала за спиной Таню, чье любопытное лицо выпячивало из под левого бока мамы. Матвей и Савелий Карпович вышли вперед. Оленья упряжка начала расступаться, и на последних санях, к Савелию Карповичу спустился Ясавэй, ведущий за руку Хадне. Шаманка бросилась к полярнику в объятия, едва сдерживая эмоции. Северные олени закивали головами, истончая ртом холодный пар. Среди них оказался самый большой и рослый, с огромными рогами. Он разрезал ими воздух, и повелевал стаду, какие действия надо показывать. Этот вожак, мотая головой, издал нечто, вроде рыка, в котором четко прослеживалось имя «Вэн». Ясавэй дернул Савелия Карповича, показывая на вожака.

– Пока мы спали ночью, Нум прислал нам этого вожака, – сказал Ясавэй, – Мы не сразу признали в нем Вэна. Нум вернул его к жизни, наделив еще большей силой. Посмотри на него, он рад тебя видеть!

Савелий Карпович похлопал Вэна по морде лица, и из упряжки Хадне, к нему выбежал мальчонка, лет десяти, одетый в медвежью шкуру, его голову венчал медвежья верхушка черепа.

– Папа! – вскричал мальчонка, впившись к Савелию Карповичу в бок.

– Это твой сын, – Хадне дотронулась до рыдающего от радости полярника, повторяющего сквозь потоки слез фразу «Это мой сын, это мой сын!»

– Его зовут Натена, – произнесла Хадне, снимая медвежий череп с головы ребенка.

Савелий Карпович обнял Натену, и не мог найти слов радости и вселенского счастья. Натена утопал в фуфайке своего отца, и лишь его правый глаз узрел выглядывающую из-за спины Даши Таню. Натена отошел от Савелия Карповича, достал совиное перо из-за за пазухи, и подарил его Тане. Оленеводы, стоящие по краям упряжек, массово поклонились этому жесту. Ясавэй отошел от Хадне, и громко хлопнул в ладоши. Эхо от хлопка привлекло к метеостанции все зверье из тундры.

– Что все это значит? – спросила Даша Матвея.

– Мир начинает свое перерождение, – довольно ответил

Матвея, смотря на голубое небо над островом, – Мы на пороге перемен.

Прошли года. Оленья упряжка во всю прыть мчится по тундре. Ясавэй везет людей на аэродром Халэвнго. По благоволению Ид Ерва, воды залива Обской губы позволили перевести их с материка, сюда. Здесь эти люди будут в безопасности. Раньше их домом был Салехард, но теперь они отступают все дальше, на север. На аэродроме, ненцы организовали центр нового поселения. Ясавэй руководит работами по его функционированию. Неподалеку от аэродрома, стоя на берегу кристально чистого большого озера, повзрослевшая Таня пускает бумажные кораблики. Красивая девушка, с темными длинными волосами, ангельским лицом, одета в медвежью шубу, под которой сокрыт уже изрядно подросший животик – Таня на седьмом месяце беременности. Она в ожидании не только чуда – грядет очередная середина октября, ее день рождения. Это помнит ее любимый муж Натена, тихо подобравшийся сзади. Натена подарил Тане выструганную из дерева фигурку маленького мальчика, держащего земной шар.

– Смотри, – Натена обнял Таню сзади, поглаживая ее живот рукой, – Это наш сын и его предназначение.

– Я во сне уже с ним познакомилась, – нежно произнесла

Таня, – Нум показал мне его, даже дал немного покачать колыбельную с ним.

Таня и Натена смотрели на горизонт. На горизонте небо меняло один цвет за другим. Оно становилось то красным, то зеленым, то черным. Блики белого и серого цветов, бордовые и сочно желтые. Воды залива Обской губы периодически штормили. Владыка Вод хоть и не часто, но позволял людям перебраться с Ямала на Халэвнго. Время от времени, по горизонту проносилась яркая красная линия. Вспышки затмевали весь небосклон. Их было видно даже во время снежной бури и, когда горизонт затягивали Великие Проходы.

На метеостанции, сидя за столом, шьет одежду Даша. Весьма возмужавшая, она занялась рукоделием. Теперь вся округа только и ждет нового чуда шитья от Даши, она с удовольствием делится этими благами с людьми. Ей компанию в пошиве всего и вся составляет Олег. Нум позволил Олегу один раз в сутки приходить из другого мира сюда, к Даше. Раз в сутки, несколько часов, когда Олег осязаем, способен дотронуться до любимой, поговорить с ней. Олег готовится – весь скоро рождения его дочери – Таня переживает круглую дату, и хочется придумать особый подарок. Вместе с Дашей они его припрятали в бухточке, на севере острова. При помощи Нума и Ид Ерва, Олег, в течение двух лет собирал его. А Даша сшила специально для дочери, ее мужа и внука теплую одежду. Чтобы она их грела не только теплом, но и родительской любовью.

– Расширяя границы, – созерцал Олег, стоя с Дашей на корме корабля, своего подарка, смотря на место, где Обская губа выходит в Карское море, – Там, где начинается новая жизнь.

– Там, где тепло и уют, – Даша прислонилась к Олегу. Стоящий позади Ид Ерв, своей водяной рукой попросил Нума дать Олегу еще пару часов физического присутствия. От умиления происходящей ситуацией, Ид Ерв всплакнул, что на его водной щечке проступили ледяные слезки.

Савелий Карпович и Хадне стали жить на метеостанции. Они занимались разведением оленей. Савелий Карпович ныне владелец целой упряжки! В канун юбилея своей Матушки, Савелий Карпович встретился с ней во сне. Она пожелала ему счастья, и попросила больше уделять внимание Хадне. Матушка же намекнула, что в высших чертогах богов, зреют планы подарению им дочери, за труды и воспитание сына.

Но не все вечно в этом мире. Однажды, когда большая и дружная семья собралась на метеостанции, на ужин, Матвей оповестил их о своем уходе с острова.

– Мне было видение, – сказал Матвей, стоя за столом, – Что меня на Ямале ждет любовь. Я должен забрать ее, чтобы мы вместе присоединились к Высшему миру. Наш черед настал. Ее зовут Едэйне, и у нас родиться дочь Яляне.

Больше всех расстроился Савелий Карпович. За все эти годы, полярник привык к чудесам Матвея. И это известие, Савелий Карпович воспринял со слезами на глазах. Матвей

собрал маленький рюкзачок, да взял в руки «Бытие Севера».

– Я его закончил писать, – сказал Матвея, стоя в дверях, – Мне дано космосом задание отнести это бытие на Ямал. Откуда оно пойдет по людям нести благую весть, что здесь, на острове, начался новый мир. Что есть здесь сын небес и дочь земли, что их соединил огонь. Что грядет рождение их ребенка, чье появление ознаменует перерождение всей человеческой расы.

Матвей передал эстафету на написание бытия Даши. Даша взяла перо Матвея.

– Теперь ты летописец Халэвнго, – сказал Матвей, – Опиши явление сына Тани и Натены, пусть он станет тем самым незыблемым столпом мироздания.

Матвей широко улыбнулся, и побрел по тропе, через тундру. Видевшие его на берегу рыбаки, говорили о чудесах: Матвей прошел по воде, ни разу не оступившись, ибо сильно была его вера, непоколебима и чиста душа. В кабинете Матвея теперь работает Даша. Она пишет «Бытие Халэвнго», на ее столике стоит фотография маленького мальчика. Мальчик стоит на бордовом фоне. Фотография выглядит старой. На ней мальчик стоит в белой рубашечке, в крапинку, штанишки на подтяжках, беззаботное улыбающееся лицо, словно свеча, освещает кабинет. Даша взяла фотографию в руки, вынула из рамки, оглядела ее оборотную сторону. На ее лице нарисовалась улыбка, из глаз потекли слезы. На оборотной стороне была надпись, написанная ручкой

на тонком картоне: «Твой застывший образ пройдет сквозь века, и будешь ты вечен, пока незыблем свет в человеческом сердце. Целую, мама». Даша провела по ней рукой, и вернула фотографию в рамку, как это сделал в свое время Матвей.

В последний час уходящего года, когда небеса активно меняли цвет, и из-за горизонта доносился гулкий звук рокота, на втором этаже метеостанции, в окружении всех близких и друзей, Таня родила сына. Натена взял его в руки, и поднес к открытому настежь окну. Подлетевшая белая сова, ухугнула, и одарила младенца своим пером, предварительно погладив своими крыльями. После этого остров загудел и зашатался. На аэродроме люди видели столб света, исходящий от метеостанции до неба. Люди расценили это как знамение, и пошла молва о рождении сына небес. На остров потянулись ручейки людей с разных концов страны – так работает «Бытие Севера» Матвея. Они приходили на аэродром, строили чумы вокруг него, и ждали чуда – столб света появлялся каждую ночь, и в ночь снежной бури, когда через остров шли Великие Проходы. Нет, вопреки всем разговорам и слухам катастрофы не случилось. Космическое пламя не уничтожает старый мир, а лишь обновляет его. Обновляет духовно, давая людям новые знания и способности. На большой земле все больше узнавали о чуде севера. Чем дальше шла молва,

тем масштабнее делалась история. Говорили, что с течением времени, сын небес ушел за океан, в арктические земли. Где сокрыты неведомые доселе сокровища, и куда люди должны сами проложить свой путь.

Для одних эта история – легенда, для других путь к спасению, для третьих способ новой веры. Но все они называют произошедшее на Халэвнго «Прибытием», вкладывая в это понятие нечто космического масштаба, навсегда изменившего всю вселенную.

Эпилог. Предзнаменование Савелия Карповича

В советские годы, Савелий Карпович много ходил с экспедициями по полярным территориям. Пока, однажды, не засел вместе с группой на острове Песчаный. Там, тогда еще молодые и бойкие полярники воздвигли маленький форпост, чтобы помогать кораблям и тральщикам в местных водах. Со временем, форпост превратили в маяк, с материка пришла новая группа, и прежних «островитян» отправили дальше, на северо-запад.

Новым «домом» для группы Савелия Карповича стал Ямал. Было отдано указание тщательно исследовать полуостров на предмет развертывания на нем секретной военной базы. Савелий Карпович прошел Ямал вдоль и поперек. Тонул в болтах и озерах, спасался от медведей и холода. Ломал обе ноги, руку, получал травму позвоночника – медики то и дело отправляли порядком поломанного полярника в Салехард. Оттуда его должны перевести на родину, в Иркутск. Но упрямый Савелий Карпович Родищев сбегал за час, за минуту, порой за несколько секунд до отъезда. Отыскать его не было трудно – как правило, полярник возвращался на Ямал. Начальство поначалу возмущалось непослушанием Савелия Карповича. Но, впоследствии, оставило его в покое. Правда, потом пришлось объясняться перед родными полярника, ко-

торые едва приготовили каравай, соль для встречи, и тут им оплеуха сверху: «Ваш родственник вернулся в места несения службы». Матушка Савелия Карповича кричала тогда на всю улицу, успокаивать ее ходили всеми двумя берегами Ангары.

Савелий Карпович всегда стремился на Балтийский флот. Его розовая мечта мотыляться на волнах, слушать пение чашек и пить чай из граненого стакана, закусывая лимоном и кусочком сахара-рафинада. Но от Балтийского флота его отвалили совсем скоро, когда выяснили, что Савелий Родищев – из семьи раскулаченных крестьян. И вместо карьеры моряка его засунули на берега моря Лаптевых, обслуживать суда с тайного арктического полигона, о котором знали немногие. Те же, кто пытался сбежать с северных берегов, ловили и отправляли в темные залы набитого генетическими экспериментами полигона. Говорили, что огромная бетонная конструкция пряталась где-то на хребте Ломоносова. Но каких-либо следов там не нашли. О судах с людьми и дивными конструкциями из металла говорили и рыбаки, и жители полярных поселков по сарафанному радио. Их пытались прижать, но кого замолчать не смогли заставить, так это местные племена. Ненцы, эвенки, все они сложили об этих судах жестокие, кровавадные легенды о неведомых тварях за ледяным океаном. Будто бы они томятся в темницах, под льдом, и ждут своего часа, чтобы захватить Большую землю.

Савелий Карпович не видел ничего экстраординарного. Он просто обслуживал суда, пока не пригляделся местно-

му начальнику своими знаниям о природе и северной выдержкой – когда другие падали духом и мерзли, Савелий Родищев носился по закрытому режимному объекту, растаскивая ящики и мешки, дышал как паровоз, ночами читал научные труды и слыл негласным лидером «слуг полярных монстров». В 29 лет Савелия Карповича приглашают присоединиться к исследовательской экспедиции, и ходить по северным территориям. Так, начинается восхождение Савелия Карповича на полярной лестнице. В родной Иркутск он стал приезжать все реже и реже, пока окончательно не забросил его. «Я выбрал север», – так сказал он, когда общался по телефону с матушкой. После этого разговора, по всему северу стал ходить слух, что якобы, матушка одного из полярников утопилась в Ангаре, не признав большую любовь сына к холоду, а не к себе.

Матушка Савелия была очень заботливой, и после смерти отца полярника, сама, одна, подняла троих сыновей. Старший брат пошел токарем на завод, средний косит траву кошой, а младший... Попал под жернова раскулачества семьи. «Да так и сгинул, мой сынок!», – роптала матушка, сидя на печи. Она любила каждому вязать свой собственный платок, передавая тем самым свою заботу и любовь. Она заботилась о каждом так сильно, и так искренне, что старший брат ушел на завод, и не вернулся – встретил женщину, ехавшую к родственникам в Калмыкию. Взял, да прыгнул к ней в грузовик. А воз и ныне там, теперь. Младший стал предан се-

веру, и лишь средний тихо жил по заветам матушки, подчинившись ее сильной опеке. Матушка нашла ему жену, приняла у нее роды, взяла себе на воспитание внука (родителям не доверила). А потом, когда ей пообещали вернуть Саву, стала готовиться к его приезду. Но тут происходит тот самый разговор, где она слышит фразу «Я выбрал север». Она кричала и била телефонной трубкой стенку, била телефонистку, била милиционера и била врача. Она ругала себя за то, что не смогла уберечь сына. Взяла на себя всю вину и решила уйти, под воду, навсегда. Матушка забрал с собой все разноцветные платочки, что сшила им. Очевидцы рассказывают о громком плаче в ночи, когда луну раскрыло небо. Средний сын так долго плакал, что взял своего ребенка, да пошел на реку. Его жена пила розгами, чтобы он остановился. Но ведомый внутренним голосом Матушки, средний сын вошел по пояс в воду, и кинул ребенка в нее. Его жена бросилась под воду, спасла своего мальчика, ушла от среднего сына, и не видел больше их никто. Что со средним сыном случилось, история умалчивает. Говорят, он повесился на дубу, возле своего окна. Другие видели его блаженным в окрестных лесах. Третьи замечали тень человека посреди Ангары.

А у Савелия Карповича в жизни настал остров Песчаный. После него, полярник попадает на Ямал. Где природа-матушка испытывает его на совесть и выдержку. Когда в крайний раз, полярник снова вернулся, жизнь подкинула ему еще более захватывающий сюжет.

В канун зенита осени, Савелий Карпович и еще десять человек переправляются на остров Халэвнго. На ней они возводят метеостанцию, и называют ее «Нум». Помимо сводок погоды, метеостанция была чем-то, вроде форпоста в заливе Обской губы. При ней стал функционировать аэродром, самолеты заправлялись горючим, группа Савелия Карповича весело поила летчиков спиртом и накидывала им в рюкзаки вкуснейшую местную рыбу. Кроме сводок погоды, полярники активно изучали ненецкую мифологию – так было проще понимать, о чем говорят местные оленеводы. Которые часто ворчали, мол, не даете даров природе, а забираете их, почему-то потом она еще должна вам выслуживаться.

Савелий Карпович, сам по себе, человек гиперактивный. Ему ничего не стоит одному отправиться на другой конец острова, никого не предупредив. Так, однажды, когда Савелий Карпович взял рюкзак, тетрадь, компас и отправился на юг Халэвнго, налетел сильный буран. Полярник замерз, продрог и почти заледенел. Его подбирают местные оленеводы, и отвозят в свой поселок. В маленьком поселении ненцев, Савелий Карпович знакомится с 12-им мальчиком Ясавэем. Между ними завязывается дружба, Ясавэй служит проводником для человека с большой земли в такой необъятный и необычный мир северного народа. Савелий Карпович живет в отдельном чуме, учится езде на оленях, ловле рыбы в особых местах (где Владыка Вод разрешает) и влюбляется в старшую сестру Ясавэя, шаманку Хадне. Между Савелием

Карповичем и Хадне завязывается сильная и страстная любовь. Полярник умоляет шаманку отправиться с ним на метеостанцию. Но Хадне упорно твердила, что прошлое Савелия Карповича стремительно закружится с будущим. Что грядут большие перемены и приход новой эры. Совсем скоро сгинет былое, и начнет возводиться новое начало. Придет странник молодой крови, принесет в себя жертву, чтобы стать мостиком для той, которая станет самой важной фигурой в этих краях. Савелий Карпович не слушал ее, считая, что Хадне просто ищет причину не уходить. Шаманка утверждала, что к ней прилетает белая сова. И каждую ночь говорит о скором рождении сына, который связан с будущим Севера. Белая сова просит Хадне не покидать родное поселение, чтобы дать свершиться предначертанному космосом планам. Савелий Карпович не захотел это слушать, и уехал прочь, не принимая теплые слова шаманки вдогонку. Но, совсем скоро предсказания Хадне стали сбываться. Рухнул Советский Союз – «сгинет былое», надобность в метеостанции «Нум» пропала, и полярники переехали на Таймыр. Савелий Карпович остался совсем один. Чтобы Савелий Карпович не сошел с ума, по настоянию Хадне, Ясавэй приводит полярнику северного оленя по имени Вэн. Вэн стал лучшим другом и собеседником Савелия Карповича на долгие годы.

В канун очередного нового года, к Савелию Карповичу приходит Ясавэй. Мальчик сообщает о том, что после того, как полярник ушел от Хадне, она забеременела и родила сы-

на. Окрыленный желанием увидеть сына, Савелий Карпович отправил Ясавэя в поселение, чтобы он известил свою сестру о возвращении «блудного мужа». Взгромоздившись на Вэна, Савелий Карпович поскакал вперед. Но старый олень падает и умирает. Налетевшая снежная буря открыла Савелию Карповичу Великие Проходы. А после них, вновь замерзшего и заледеневшего полярника подбирает группа исследователей. Ее руководитель, Олег, жаждал узнать о Ямале все. Но метался между севером и семьей. Вместе с Олегом на метеостанцию пришел и некий мытарь по имени Матвей.

История Матвея полна загадок и мистификаций. Где он родился, провел детство – неизвестно. Матвей работал на границе России и Норвегии в Мурманской области. В таможню, Матвей пришел напрямую из армии, по рекомендации. Что самое интересное, когда его принимали на работу, проверяли документы – все было в порядке. А потом, все данные о нем стерлись, как будто и не было. По началу, Матвея считали за шпиона, но ни одна из теорий не подтвердилась, а в части, где он служил, «никаких Матвеев отродясь не было». «Мутный» проработал на таможне порядка десяти лет, на протяжении которых единственным его собеседником и другом был сторожевой пес Афраний.

Матвей редко с кем заводил беседы, в большинстве своем

что-то постоянно записывал в тетрадь, кажущейся со стороны бесконечной. Однажды, двое любопытных коллег залезли в вещи Матвея, и стащили тетрадь. С тех пор ни их, ни тетради никто не видел. Матвей очень скоро покинул свой пост таможенника, поселившись в одиноком доме (покинутом кем-то очень давно) на мысе Святой нос, что на Кольском полуострове. В доме, Матвей принялся за написание своего труда, назвав его «Бытие Севера», описывая чудеса и предзнаменования. Свой труд он связал с всемирной эсхатологией, считая, что перерождение мира начнется именно с северных территорий.

На Святом носе Матвей прожил четыре года, и однажды, ночью, после странного сна, где белая сова прорезает стадо северных оленей, ушел путешествовать по северным просторам России, где и присоединился к группе исследователей Олега.

Существует аллюзия с апостолом Левием Матфеем. На это указывает работа Матвея таможенником (апостол Матфей является покровителем сотрудников финансовых служб), его работа над трудом «Бытие Севера» (в аналогии с книгой «Евангелие от Матфея»). Также следование Матвея за белой совой, являющейся физическим воплощением верховного божества самодийского бога Нума (как своего рода следование за Иисусом Христом). Большая часть жизни апостола Матфея окутана тайной и неизвестна – аналогичная история у персонажа Матвея.

Когда настало время, и группе Олега надо было уезжать, последний сильно заметался в борьбе между тем, что ему выбрать. На одной чаше весов была Даша и Таня, ожидающие его на день рождения в Самаре. На другой – мечта всей его жизни стать частью Севера. В конце концов, группа ушла без Олега. На метеостанции осталось трое – помимо нерешительного руководителя Савелий Карпович и неразговорчивый (по началу) Матвей. Савелий Карпович метался из угла в угол – он очень хотел увидеть сына, и горевал, что не смог доехать. Олег предложил ему свою помощь, но любая их попытка пройти через тундру встречала сильную снежную бурю и Великие Проходы в придачу. Остававшийся на метеостанции Матвей, сидел в кабинете, который он впоследствии и займет полностью, где писал «Бытие Севера» и творил из пустоты огонь.

Одним ранним летним утром, на метеостанцию прибыл уже повзрослевший Ясавэй. Парень сообщил, что Хадне знает о препятствиях на пути к ней. И просила Савелия Карповича смириться – так решила белая сова. Ясавэй подвел к себе Матвея, указав на Олега, и предупредив о скором прибытии на метеостанцию злыдня. Матвей готовился ночами, слушая тишину холодной тундры. И вот, однажды, Олег заболел. Он так и не решил, что же ему выбрать. Им завла-

дел нгылека, постепенно пожирая и уничтожая его изнутри. Умирая, Олег сообщил о скором прибытии сюда своей дочери и ее мамы. Показал их фотографию. Олег сказал, что он много рассказывал Даше и Тане о метеостанции, о Савелием Карповиче, о Матвее. И перед тем, как испустить свой дух, прошептал фразу: «Таня станет Хранительницей Халэвнго».

С тех пор, Савелий Карпович и Матвей стали ждать прибытие Тани и Даши. Во время своего последнего визита, Ясавэй сообщил, что Савелий Карпович должен будет помочь Даше, и даже спасти ее, искупив долг перед своей Матушкой. После этого белая сова приведет на метеостанцию его сына.

Кое-что о Великих Проходах

Гигантские мамонты-исполины. Дети Нума, древнейшие существа на земле. Представляют собой главных «редакторов» земной поверхности. Появляются из снежной бури над океаном, и идут на большую землю, меняя своими гигантскими лапами ландшафт. Исчезают в снежном буране при подходе к первым населенным пунктам людей.

Всего в истории было засвидетельствовано три контакта с исполинами. В 1739 году, когда гигантские лапы заслонили горизонт в горах Бырранга на полуострове Таймыр. Это событие взволновало нгасасанов – местный кочующий народ, и находившегося при них полярника-исследователя Харитона Лаптева. Затем это повторилось в 1867 году, на Гыдан-

ском полуострове, когда небольшая группа самодийских шаманов шла к Карскому морю, и попала в сильную снежную бурю. И третий раз, в 1967 году, на о. Белый, у полуострова Ямал (совсем недалеко от Халэвнго!). Там исполин встретили уже советские ученые-полярники. Но это лишь засвидетельствованные!

Впрочем, Бырранга, Гыданский полуостров и Ямал – вот те три места, через которые исполины ходят менять ландшафт Среднего мира, по настоянию Нума. Как только начинается туман, за ним тут же следует снежная буря, а потом солнце заслоняется гигантской мохнатой лапой, а остальное туловище прячут багровые синие облака.

В XX веке за исполинами устоялось название «Великие проходы» – так их стали называть сиртя, имея в виду их величие и непоколебимость. Озера и болотистые чащобы, которыми славится Ямал – это следы лап мамонтов.

6 – 31 мая 2016 года.

Соблазн

Глава I. Да или нет

– Что такое «да», а что такое «нет»? – спрашивал Иван Демидовича Прудникова 20 мая 2004 года профессор по психологии Вениамин Жмуриков, очень умный и хороший человек, будучи в возрасте, задал молодому Ванюшке этот вопрос, с целью внятного ответа.

– Так что такое да? – спросил Жмуриков.

– ...затрудняюсь, – устраиваясь в мягком кресле говорил Иван, – Ответить.

Жмуриков недовольно шмыгнул, встал из стола, и закрыл окно темно- синей занавеской. Затем он подошел к большой картине, висящей на стене, и начал всматриваться в весенний пейзаж, – А как можно объяснить соблазн? – спросил после долгого молчания Жмуриков.

– ...затрудняюсь ответить. Эй, Вениамин Николаевич! – возмущенно воскликнул Иван, – Что вы меня мучаете такими вопросами?

– Мать попросила, – грустно сказал Жмуриков, садясь обратно за стол, – Ты ведь её очень сильно расстроил своим поступком.

– Я? Её? – удивленно спросил Иван, – Вчера я это сделал

не специально!

– Да. Возможно. Не специально ты, конечно не специально ограбил соседа! – Жмуриков ударил кулаком по столу, – Украл у него десять тысяч рублей, разбил телевизор и ранил годовалого ребенка ножом в плечо! Не специально, он!

– А что я такого сделал?

– Да ничего! Ничего, Ваня! Просто мать ты свою пожалей! Бедная женщина всю жизнь на тебя убила, а ты! Неблагодарный!

– Да кто вам дал такое право кричать на меня! – Прудников кинул в Жмурикова книгой, лежащей на столе. Книга оказалась трехтомником по практической психологии в семьсот страниц. Жмуриков с минуты две постонал, потрогал, цел ли нос, и продолжил.

– Другой бы на моем месте скрутил тебе руки, Ваня, – грозно сказал Жмуриков, – Но я близкий друг твоей матери, я психолог, и умею себя сдерживать.

– А милиция? – спросил Прудников, – Чего же вы в милицию не заявите?

Жмуриков достал из ящика стола два пакетика с зеленым чаем. Встав, он достал две белых чашки из шкафа, включил электрический чайник. Пока вода в чайнике нагревалась, Вениамин Николаевич подошел к Ивану.

– Зачем тебе понадобились деньги соседа?

– Он лучше меня! – гаркнул Прудников, – Он выиграл лотерею в десять тысяч рублей! А мне деньги нужны, и я

не собираюсь их ему отдавать!

– Зависть... Хм, все ясно, – нахмурился Жмуриков. В это время чайник пикнул, и психолог залил обе чашки кипятком. Затем сунул в них пакетики с чаем, поставил одну Ивану, а вторую себе, и сел.

– Деньги для меня способ жить и способ стать знаменитым! – мечтательно говорил Иван, – Десять тысяч рублей... У- у- у! Я ведь могу уехать из города, из этой дыры, из этой мусорки!

– Допустим, ты уедешь, – начал Жмуриков, маленькими глоточками выпивая чай, – А о матери ты подумал? Что будет с ней? Ей сейчас очень тяжело!

– Ой, бросьте Вениамин Николаевич! – смеялся Прудников, – Кому сейчас легко?

– Согласен. Далеко не каждому. Но твоя родная мать же!

– Да чихать я хотел на свою родную мать! – огрызнулся Прудников, – Я никогда её не уважал, и не собираюсь её жалеть!

Жмуриков поперхнулся чаем. Прокашлявшись, он встал из стола, и подошел к двери.

– Ваня, Ваня! – ахнув, сказал Жмуриков, – Что же ты делаешь?

– Зря вы мне помешали убить соседа! Он ведь сейчас меня ищет. А я забыл сказать маменьке, чтобы она меня не сдавала.

– Тебе надо явку с повинной писать, Ваня. С милицией

шутки плохи!

Жмуриков снова сел за стол.

– Ваня, твоя мама не виновата в твоём неудачном детстве. Да, отец бросил вас в самый не подходящий момент. Но ты ведь держи злобу хотя бы на него – он далеко! Но мать то тут причем? Она последнее тратила, лишь бы сыночек ни в чем не нуждался. Ты должен её поддержать! А не свинью в лицо совать!

– Вы мне не отец, чтобы учить! – буркнул Иван.

– Но я старше тебя. Поэтому будь так добр, дослушай меня!

– Слушаюсь и повинуюсь! – насмешливо сказал Иван, махая руками.

– В семь лет ты украл две тысячи из кассы магазина. Ладно, посчитали что ты был в состоянии аффекта. Неважно, что я тогда двадцать тысяч за этот самый аффект отдал. В девять рубанул пилой по лицу своего друга. Видите ли машинку он ему не дал. Тогда уже не рубли надо было в ход совать – пацану операцию пришлось делать за границей. Еще бы – почти всю кожу содрал! Ваня, тебя не забрали в тюрьму благодаря матери своей. Она, бедняжка на коленях ползала перед родителями и перед следователем. Благо её пожалели вкупе с тобой. Ты у неё один! И ты же её предаешь. В семнадцать лет украл золотое кольцо у своей подружки. Ладно что ты его мне принес. Совесть заговорила... В восемнадцать со скинхедами дрался – троих убил, одного глаза лишил, третьему

почки отбил. Год тюрьмы тебя не исправил, Ваня. Жаль. Армия тебя исправила... в худшую сторону. До сих пор не могут найти голову офицера, которого ты убил. А как насчет ограбления банка на сто миллионов долларов? Ладно хоть я тогда покойного Кардлогова попросил взятку дать властям. Тебя отмазали от доброй десятки лет тюрьмы. Дальше ты решил начать жизнь. Сейчас тебе тридцать лет. И что? У тебя нет ни одного образования, ты не закончил институт. Ты, Ваня, вырос бандитом. Которого не сажают благодаря матери, готовой себя унижить, лишь бы Ванюшку родного не забрали в тюрьму. Ты с ней не общаешься нормально. Но она тебя терпит. Я тоже. Ваня, возмись за ум. Ты же губишь не только себя, но и мать родную. Одумайся!

– Да пошли вы, психолог! – огрызнулся Иван, – Моя жизнь – не ваша! И не вам решать, что мне делать!

Жмуриков взялся за голову.

– Ладно, – грустно сказал Жмуриков. – Так ты напишешь явку с повинной? У тебя нет другого выхода. Да или нет?

Прудников встал из стола, подошел к двери, открыл её, и оглянулся с грозным взглядом.

– Я еще раз говорю вам, – угрожающе начал Иван, – Не лезьте в мою жизнь!

– Значит нет? – с грустью спросил Жмуриков.

– Нет, – И Прудников вышел из кабинета, и быстро пошел к входной двери, – Мозги мне пудрит! – возмущенно сказал Иван, захлопывая дверь квартиры психолога.

Когда Прудников вернулся домой, то увидел мать, сидящую на кухне. Она вся в слезах, с розовеньким платком в руке.

– Сосед снизу наведовался? – невежливо спросил Иван.

– С милицией, – всхлипывая ответил мать.

Жанна Павловна Прудникова (в девичестве Шервудова) через месяц будет шестьдесят. В молодости она была красивой. Все мужчины сходили с ума только от одного её голоса. Выйдя замуж за Демида Прудникова, Жанна Павловна через год родила Ванюшку. Как говорили врачи: «Ясное солнце с черной луной». Что-что, а врачи оказались правы. Демид Олегович спустя три месяца после рождения Ванюшки ушел к другой, нахамив и нагрубив Жанне Павловне. Она это предательство пережила с трудом. Много пила, вошла в не очень хорошую компанию. Ванюшку туда втащила. Но во время одумавшись, Жанна Павловна ушла из этого «общества». Но ее преследовали. Тогда она продала квартиру, и переехала в городок Кинель, пригород Самарской губернии. Надеялась, жизнь нормализуется. Но... Бедность и нищета пристали к этой семье очень крепко. В отсутствие денег, нормального мужчины и друзей, Жанна Павловна познакомилась с Вениамином Жмуриковым. Хороший и порядочный, но к сожалению с семьей. При всем своем жела-

нии, Жмуриков не смог помочь Жанне Павловне. А Иван, видя общество и окружающую среду, попытался взять ситуацию в свои руки. И подняться ввысь при помощи воровства, убийств и угроз. Все это воспитало в нем алчность, открытое нахальство и вообще, человека с больше буквы П. (в смысле Падший).

Окна дома, в котором живет Иван выходят на площадь Мира. Сам дом желтовато-оранжевый, двухэтажный. Квартира Прудниковых обветшала, потолок обваливается, стены тоже. На все призывы Ивана подчинить хоть что-нибудь, Жанна Павловна получала громкие матные и отрицательные ответы. Бралась сама. Делала. Но не крепко. Денег едва хватает на хлеб с водой, а электричество вот уже как полгода отключено за неуплату. Скоро отключат и газ, и воду и отопление. Иван украл из магазина одежды кожаную куртку и приличные джинсы. Мать надеется на милость Бога, и на то, что Иван образумится.

– Еда есть? – спросил Иван, развалившись на диване.

– Ванечка, крупа кончилась неделю назад. Хлеб тоже. Только вода из под крана, да пара засохших корочек хлеба, – вытирая слезы ответила Жанна Павловна, входя в зал.

– Отлично! – огрызнулся Иван, – Ладно, маменька, пойду грабить магазин.

Только Иван это сказал, как в дверь постучались. От стуков потолок в коридоре обсыпался, и вешалка с одеждой упала.

– Мама, если это менты, то мне придется смываться! – занервничал Прудников.

– Ванюша, куда же ты пойдешь!

– Деньги, я за деньгами!

Прудников надев куртку, открыл окно, и по веткам дерева спутился вниз. Жанна Павловна открыла дверь, и в квартиру вломилось человек пять милиционеров, с лицами танков и с соседом сзади.

– Ваш сын здесь! – громко сказал милиционер. Жанна Павловна снова зарыдала, и опустилась на пол.

Иван с быстро добежал до городского парка. На дворе уже без двадцати двенадцать ночи.

– Деньги, деньги, деньжатки! – мечтательно про себя говорил Иван, – Я за вами!

Прудников резко рванул с места по тропинке, ведущую к детской площадки. На детской площадке, Иван залез на горку в форме слона, и начал искать что-то под крышей. Спустя минуту, Иван начал прятать за куртку тысячные купюры в рублях. Когда все деньги оказались у него, он спрыгнул с горки, и пошел к заброшенной карусели, которая располагалась возле зарослей деревьев. Присев на карусель, Иван начал нервно оглядываться по сторонам. Когда он понял, что никого в округ нет, и за ним никто не следит, Иван

принялся пересчитывать деньги.

– Привет Иван Демидович Прудников! – раздался тройной, не человеческий голос сзади.

– Кто здесь? – нервно спросил Иван, – Кто здесь?

– Дьявол, – раздался ответ, с более высокой интонацией.

– Кто? – удивленно спросил Иван, – Какой еще дьявол?

Покажись, если ты есть!

И перед Иваном из под земли вынырнул огромный зверь. Острые и загнутые рога, морщинистое лицо с клыками, мускулистое тело без кожи, с бычьими хвостом и ногами. А сзади величественно на ветру покачиваются черные крылья. Потирая обросшие волосами руки, дьявол прохрипел тройным голосом: – Аль не рад меня видеть?

Иван лишь немного дернулся левой рукой, и застыл на месте. Деньги упали из его рук, а карусель невольно простонала, и накренилась в бок, утаскивая Ивана чуть левее.

– Расслабься, Иван! – хохотал дьявол, – Я тебе ничего плохого не сделаю.

– А откуда мне знать?

– Не нужно ничего знать, Ваня, – Дьявол поднял деньги, и засунул их обратно во внутренний карман куртки Прудникова.

– Помогите! Убивают! – закричал Иван.

– Тебя никто не слышит, Ваня, – спокойно сказал дьявол, – Слушай, я хочу тебе предложить работу по найму. Ты должен выполнить шесть моих заданий. За каждое задание я

буду выполнять любое твоё желание. А когда ты выполнишь последнее, шестое задание, то я сделаю так, чтобы ты стал великим и богатым человеком на свете! Итак, Ваня, что скажешь?

– А... ну... Э...

– Но, Иван, – дьявол поматал указательным пальцем, – Перед каждым заданием ты будешь видеть тонкую стальную планку, по которой ты идёшь. Твоя фигура будет качаться то в одну, светлую сторону, то в другую, темную. Светлая означает «да» заданию, а темная «нет». Чем дольше ты будешь выполнять мои задания, тем больше твоя фигура будет наклоняться в темную сторону. Пока в конце концов совсем не упадет во тьму. В этом случае я буду носить тебя, Иван, на руках. Но запомни одну вещь: я соблазняю тебя на темные дела. И их выполнение отдалит тебя от Бога и света. До шестого задания у тебя есть шанс вернуться назад. Но по выполнении шестого задания, Иван, ты станешь демоном. И назад никогда не вернешься! От твоего выбора, Иван, зависит твоя же судьба. Я предлагаю тебе работу. Твоя же задача ответить мне «да» или «нет». Итак, что Иван Демидович Прудников ответит?

Прудников удивленно сидел, и смотрел в глаза дьяволу. В них он увидел огонь и исключительную правоту своих слов.

– Да или нет, – рассуждал Иван, – Да или нет. Да или нет. Нет или да. Хм- м... – Почесав в затылке, Иван спросил дья-

вола: – А какие желания я могу от тебя потребовать?

– Любые! Какие хочешь! – радостно сказал дьявол, – Хочешь машину, хочешь деньги. А хочешь море еды или воды. Или быть может красивую женщину в жены? Все, что твоя душа пожелает. Главное, не стесняться.

– А! – махнул рукой Иван, – Была не была! Я отвечаю «да»!

Что ж! – обрадовался дьявол, и хлопнул в ладоши, – Ты сделал свой первый шаг на пути к славе и богатству. Но запомни, что в любой момент до шестого задания у тебя есть шанс отказаться, и уйти. Не бойся, я не отниму у тебя приобретенного. Только вот с последствиями этих заданий ты справиться должен сам.

– Какое мое первое задание? – спросил с любопытством Иван.

– Ты ведь хочешь больше денег? – спросил дьявол. Иван кивнул головой, – Значит так. Ты должен ограбить банк, что напротив милиции. Вынеси оттуда столько денег, сколько сможешь. И вот еще что: при выполнении всех заданий иди сюда, к этой карусели. Я буду ждать тебя здесь.

– А в случае не выполнения какого-нибудь задания?

– Тогда, Иван, я буду забирать у тебя по два года жизни. Все честно: выполняешь – награда, не выполняешь – штраф.

– Ясно. Ну, я пошел грабить банк?

– Иди. Удачи!

Прудников побежал к выходу из парка, не оглядываясь назад. А когда Иван подбежал к банку, то увидел перед собой тонкую стальную планку, по которой шла его фигура. Слева светлая сторона и желтые буквы «нет», а справа черная и белые буквы «да». Пока фигура Ивана шла равномерно, лишь немножко покачиваясь из стороны в сторону. Иван замахал руками, с целью убрать мешающую картину с планкой. Банк в это время уже закрыт. Охрана на своих постах, да милиция напротив внушает защиту денег. Но на помощь к Ивану рядом с милицией стоит огромный грузовик. Импортный, марки Volvo. Две острых иглы на бампере, плюс бронированная клетка с мелкими кольями идеальное приспособление для тарана. Вдобавок сам кузов грузовика очень крепкий. А наличие прицепа с бензином увеличивает шансы на успешное выполнение задания.

Вдруг, к грузовику из милиции вышел видимо водитель. Гремя ключами, весьма толстый водитель лениво подошел к двери грузовика, открыл её, и залез в кабину. В это время, в кабину грузовика залезает Иван. Ударяет водителя виском об угол двери, выбрасывает тело, и садится за руль. Заведя грузовик, Иван здал чуть- чуть назад, и заметил, что милиционеры всполошились, побежали к грузовику.

– Эх, сейчас как громко будет, а! – закричал Иван, разгоняясь на грузовике.

– Куда! Стой! – кричали милиционеры. Иван сумел разогнать грузовик, сравнял с землей черного цвета узорчатый забор, затем такой же забор, но гораздо выше. А затем со всего размаху въехал в банк. Разрушил вход в здание, гардероб и пару кабинетов на первом этаже, погребя за собой около восьми охранников. Выскочив из машины, Иван заметил перед собой автомат. Взяв его, Иван побежал к хранилищу. По загадочному стечению обстоятельств, возле хранилища стоит маленький, уцелевший от наезда грузовика столик с ключами от дверей. Взяв ключи, Иван открыл хранилище, взял мешки, и начал быстро складывать деньги. Спустя три минуты милиционеры добрались до хранилища, где увидели удирающего с тремя мешками денег Ивана. – Стой! – закричали милиционеры хором. Забежав во двор дома, стоящего возле банка, Иван наткнулся на водителя десятки красного цвета. Не долго думая, Иван изрешетил водителя из автомата, и сев в десятку, быстро покатил в сторону парка через длинный двор. Милиция не успела сесть в машины, и потому потеряла десятку и Ивана из виду.

В парке, возле старой карусели, Иван около часа отсиживался, дожидаясь пока милиция не прекратит бегать по району. Затем из под земли все так же вылез дьявол, и радостно потирая руки, начал:

– Ай да молодец! – закричал весело дьявол, – Да ты, вижу уже не первый раз идешь против закона!

– Да, – с несколько усталым, но довольным голосом отве-

тил Прудников.

– Ну что же, давай, говори свое желание, – сказал дьявол.

– Любое?..

– Любое.

– Ну... Я... Впрочем, я хочу, чтобы моя квартира стала как новенькой! – взмахнул левой рукой Иван.

– Да, Прудников. Теперь можешь идти домой, и смотреть на плоды своего желания. Только милиции на глаза не попадись!

– А что с мешками денег делать? – Иван показал пальцем на три толстых мешка, стоящих на земле.

– Себе оставь.

– Себе?! Дьявол, а зачем же я тогда...

– Затем, что тебе это надо. Понимаешь, Иван Прудников, это надо ТЕБЕ, а не мне! – погрозил пальцем дьявол.

– А зачем же ты тогда...

– Я тебя перебыю и второй раз. Скажи, зачем нужны деньги в Аду? – вопросительным тоном сказал дьявол.

Прудников пожал плечами.

– Не знаешь? Тогда скажу. Что мне с деньгами в Аду делать? В Лавовую реку что ли кидать? Или быть может казино открыть? Хотя одно там уже есть... «ЛВ» понимаешь... Но деньги там не нужны! Так что оставь себе, Ваня. Они тебе нужнее. Завтра, в полночь приходи сюда. Я здесь буду не один, – сказав, дьявол исчез. А Прудников, удивленный, пошел домой. А деньги он спрятал возле дерева, стоящего

неподалеку от карусели.

А дома Прудникова ждал сюрприз. Причем очень даже приятный. Дойдя до своей двери, Иван отдернул руку от замка, при этом удивленно икнув. Перед ним стоит самая настоящая железная дверь с очень крутым замком.

– Эх ты! – похлопал до замку Иван. Открыв дверь, Прудников увидел, что двухкомнатная квартира, которая еще час назад была полуразрушенной, преобразилась в симпатичный вид. Бело-коричневые обои с разными линиями покрывали коридор. Половик с очень приветливыми мордами льва и львицы растянулся до самого зала. Стеклянная люстра в форме квадрата горела ярко-ярко, что если на неё продолжить смотреть, то есть вероятность ослепнуть.

– О- о- о! – замычал Иван, снимая ботинки с открытым ртом. Вот только к сожалению, вешалка осталась старой, и лежала на полке с обувью.

– Унылое... – медленно и грустно сказал Прудников, – ... воспоминание.

Взяв вешалку, Иван приставил её к месту, где она должна висеть. С минуты две Иван вспоминал, куда же делась вся одежда, висящая на вешалке. Положив вешалку на обувную полку, он прошел в зал. В зале, возле окна стоит огромный стол светло-коричневого цвета, с двумя широкими ящиками. На столе три мешка денег, которые Иван украл из банка, и те десять тысяч, что соседу с низу уже не принадлежат. Синеватые занавесочки с ромбиками и треугольничками в виде

рисунков висят над подоконником, создавая иллюзию тепла (чего не скажешь о майских днях, когда мрачное небо без дождя еще нормально, нежели ливень с молнией и ветром). Обои в зале почему-то разноцветные, в цветов пятнадцать... шестнадцать. Точно не сказать. Впрочем, Ивану это даже понравилось. Люстра имеется, в виде шара из стекла, с двумя широкими лампочками, ярко освещающие зал.

– О- о- о! – повторно замычал Иван, садясь на широкий диван темно- синего цвета, с колесиками (значит диван можно перекатить в другое место!). Длинный шкаф светло- бирюзового цвета, со стеллажами книг, посуды и документов растянулся от окна до двери зала. – Обалдеть! – восхищался Прудников. Вот только стул, старенький, запыленный и с трещиной по середине оставался все там, где и стоял – возле зеленоватой двери в зал свежей выделки.

Кухня тоже переделалась в нормальный вид. Зеленовато- красные обои поклеены и на стене и на потолке. Две лампы в форме иглы висели на стене возле окна, колонка новая, плита белая, стол широкий... Эх, красотища! Вот только занавески, черные, с дырками и покосившейся гардиной напоминают о прошлом.

А на узком балконе, в мягком кресле дремлет Жанна Павловна. Прудников тихо подошел к ней сзади, и громко рявкнул: – Не спать, когда сын дома! – Жанна Павловна подпрыгнула. С полусонными глазами она вошла на кухню, где очень удивилась новой мебели.

– Эй? – раздалось из её уст. В зале повторилось то же самое. И в комнате. И в коридоре, и в ванной и в туалете, – Ты откуда это все стащил? – удивленно спросила Жанна Павловна.

– Ха, мама, – смеялся Прудников, – Знать надо!

– Чего-то мне дурно от такой красоты, – ежилась Жанна Павловна, кутаясь в халат, и садясь на синий диван в зале.

– Не дурно тебе будет, если перестанешь терзать мою душу, – на повышенном тоне сказал Иван, садясь рядом с матерью.

– Красиво как стало... – тихо проговорила Жанна Павловна.

– Плоды моей заслуги, моих трудов! – гордо сказал Иван, – Благодаря исключительно мне, теперь это квартира выглядит нормально, не похожая на свинарник или...

– ...или отшиб человеческих отношений, – с грустью сказала Жанна Павловна.

– Ну, ладно! – махнул рукой Иван, – Мы этим разговором ни чего не добьемся! Давай-ка лучше поедим чего-нибудь!

И только Прудников вскочил с дивана, как раздался громкий звонок, похожий на выстрел из чего-то фантастического.

– Менты! – закричал Иван, кидая подушку в коридор.

Жанна Павловна молча встала, и подошла к двери. Заглянув в глазок, она восхитилась.

– Вениамин Николаевич! – радостно сказала Жанна Павловна, открывая дверь.

– Э-э-э, идиот пришел! – гудел себе под нос Иван, – Все настроение испортил, идиот такой. Убить что ли? Или в живых оставить?

В коридор зашел высокий человек в черном пальто и добрым и упитанным лицом.

– Доброго... – запнулся Жмуриков, оглядывая квартиру, – ...времени... – еще раз он оглядел коридор, зал и комнату. – ...Доброго времени суток! – наконец полностью сказал фразу Жмуриков. Жанна Павловна повела за руку удивленного гостя на кухню, где начала возиться в полных едой и посудой шкафах.

– Позавчера вы жили в бедной квартирке, – задумчиво сказал Жмуриков.

– Ай, Вениамин Николаевич, я сама толком ничего не знаю, – радостным, но и в то же время печальным голосом сказала Жанна Павловна.

– А вам грустно...

– Да. Сын от этого лучше не стал.

– Значит не в деньгах счастье?

– Видимо, видимо...

– Жанна Павловна, позовите Ивана сюда.

Но звать его не понадобилось. Прудников зашел на кухню спустя секунду, и его лицо выглядело весьма грозно.

– Чего приперся?! – гневно спросил Иван Жмурикова.

– Иван! – погрозила пальцем Жанна Павловна.

– Молчи, если ты мне еще мать! Дай договорить!

– Как ты с матерью разговариваешь? А? Негодник! – завопил Жмуриков, – Я хочу поговорить с тобой, как человек с человеком, как мужчина...

– Стоп! – прервал Иван, – Вот я мужчина, а вот вы, Жмуриков, похоже женщина. Ваши заморочки по поводу «одумайся» или «пощади мать родную» не помогут. Слышите?

– Да что же ты делаешь? – кинулась на Ивана Жанна Павловна, стараясь успокоить своего сына. Иван сильно толкнул её. Жанна Павловна ударилась копчиком об угол стола, присев на стул, тихо заплакала.

– Мразь! – зарычал Иван на Жмурикова, – Убью заразу, распотрошу до костей!

– Э-э-э! Парень, я ведь пришел мирно! – старался нормализовать ситуацию Жмуриков, про себя говоря, что даже психолог не в силах совладать с другим человеком другого мировоззрения, – Ванюшка, хватит! Я же ведь не стану тебя милиции сдавать...

– Еще ты сдал меня! – рычал Иван.

– Я родила тебя радостью, – грустно и сквозь слезы начала Жанна Павловна, – Я терпела тебя, поскольку ты ведь мой ребенок, мое детище, моя кровь. Разве я могу тебе сделать плохо? А, Иван? Родной матери родной ребенок дороже жизни.

– Вы все мне надоели! – закричал Иван, взявшись за голову, – Каждый требует от меня чего-то, каждый сам меня воспитывает! Черт бы вас всех взял, я взрослый человек!

И не надо меня воспитывать по вашим законам и книжкам! Сейчас другое время, другие нравы, другие законы. И я буду таким, каким я являюсь сейчас! И никто, и ни что этого не изменит!

– Иван... – сказал Жмуриков, вставая со стула.

Но Прудников убежал из квартиры со скоростью света. В парке, возле старой карусели, Прудников сидел на земле, закрыв руками лицо.

– Ну, вот, вот... – говорил сам с собой Иван, – Я здесь. Здесь, меня, вообще не тронут. Не должны... Соблазн... М-м-м! – Иван открыл лицо, – Деньги, власть, желание... Я хочу все это! Мне все надоели, и я хочу решить их судьбу сам! Единолично!

– Любопытно! – раздался радостный и довольный голос.

– Ты кто?

– Ой, Ванюшка, рассмешил! Ха- ха- ха! Ну кто я? Кто?

– А почему мне знать? – Иван встал, сел на карусель.

– Слезь с меня!

Иван мигом слетел обратно на землю.

– Карусель ожила! – хриплым голосом сказал Прудников.

– Ладно уж. Дьявол показался сразу, как работодатель. А я не хочу.

– Ясно. Ты тот, кто должен сегодня в полночь дьяволу компанию составить?

– Прудников! В полночь дьявол сюда не явится. А явится толпа милиционеров с наручниками. Ты не понял- тебя хотят

убрать.

– Кто? Зачем? – удивленно спрашивал Иван.

– Нет, это не дьявол. Ему твой арест ничего не даст.

– Знакомые, родственники?

– Почти близко. Он и есть источник твоей жизни.

– Нет, это невозможно!

– Источник твоей жизни в судьбе и в мире твоей матери.

– Жмуриков?

– Нет. Этот добродушный дядька муху в детстве убил, так до сих пор считает, что совершил тяжкий грех. Так что не он. Думай дальше.

– Быть может Бог?

– Нашел кого в подозреваемые зачислять!

– Ну а кто тогда?

– Вот выступишь все шесть моих заданий, тогда и узнаешь. Если сразу не можешь.

Иван почесал за затылком.

– Ладно, – сказал он, – Давай свое первое поручение.

– Дьявол отправил из Ада сюда в черта-убийцу. Видишь ли какой- то мальчик пяти лет нарисовал дьявола без рог и копыт, и повесил на школьную доску в кабинете. И внизу подписал: «Борька из 5 «Б». Дьяволу это не понравилось, и чтобы его репутация не испортилась, направил черта-убийцу в школу, что напротив парка. Этот черт выглядит как... э... Неважно.

– Эх ты! А как же я его вычислю? – спросил Иван.

– Только учти – мальчик должен выжить! Если он погибнет, то я отниму у тебя вознаграждение, дарованное дьяволом за ограбление банка! А если выполнишь, убьешь черта-убийцу, и спасешь мальчика, то я выполню любое твое желание! Или даже три, или даже пять!

– Как выглядит мальчик и как выглядит черт-убийца?

– Ты все понял?

– Да. Но...

– Вот и славно. Черт-убийца уже в Кинеле, и через десять минут зайдет в школу. Поторопись!

Иван с минуты три посидел, и встал. У него нет другого выхода. Он пошел в школу, и все это время наблюдал перед собой качающиеся силуэт самого себя, шагающего по тонкой планке, между «нет» и «да».

В школе был урок, поэтому в коридорах тихо. Иван прошел на второй этаж, где столкнулся с директором.

– Вам кого? – спросил директор.

– Где тут 5 «Б»?

– Вон расписание...

Иван не стал долго расспрашивать, и тут же подошел к объявлению. У 5 «Б» сейчас физкультура. Быстро спустившись к спортзалу, Иван увидел, как через окно влез черт-убийца. Мелкий, сушеный, с рожками и мерзким хвостом в виде молнии. С острым кинжалом и ухмыляющиеся мордой.

– Вот ты, бестия дьявольская! – тихо прошептал Прудни-

ков, и зашел в спортзал.

Черт-убийца стоял возле двери, и вертел перед собой листок, где нарисован предполагаемый Борька. Иван подошел к черту, и спросил: – Тебе что нужно?

– Убить Борьку, – шипящим голосом сказал черт-убийца.

– Вот как! А не автора этого рисунка?

– Так он и есть автор этого рисунка!

У Ивана глаза на лоб полезли.

– Так зачем же он сам себя унизил?

– Этого я не знаю, – прошипел черт-убийца, – Но он оскорбил облик дьявола, и потому должен быть устранен из мира живых.

– А где он? – спросил Иван.

Вон, в белой майке и черных штанишках бежит с мячом в руках. Не умеет им пользоваться! – радостно шипел черт-убийца.

– А может простим его? – предложил Прудников.

– Ни за что!

– Простить легче.

– Тебе-то что? – гневно спросил черт-убийца.

– Да у меня квартира может исчезнуть...

– Ну, не мои проблемы.

Сказав, черт-убица выбежал в зал, кинул в тренера молнию, отчего того разорвало на части, и принялся резать направо и налево всех попадавшихся.

– Э-э-э! – закричал Иван, – Не всех, не всех!

– Уйди! – шипел черт-убийца.

– Борис! – закричал Иван, – Беги ко мне.

А Борис в это время растерялся. Встал как вкопанный, с мячом в руке, и смотрел в глаза черту-убийце, бежавшего на него.

– Борис! Беги ко мне!

Но он стоял. И Иван, зная, что одним криком не поможешь, побежал через толпу раненых и убитых пятиклашек к Борису.

Но опоздал. Черт-убийца успел воткнуть нож по рукоять в горло жертве.

– Нет! – закричал Иван. Борис упал, истекая в крови, а черт выпрыгнул в окно, радостно хихикая. На крики детей сбежались все школьники, директор и учителя. Каждый, кто увидел окровавленный зал, ужасались. – Ты ведь жив? – спросил Иван Борьку, задыхающегося от крови, – Скажи, скажи, зачем ты себя так унизил?

– Пото... му чт... о, – сквозь кровь отвечал Борька, – Мен... я все унижали. Мен... я все били... Я был никто... Меня не у... ва... ж... али...

– И надо было нарисовать то, что тебя больше унизило и убило!

– Д...а...Это мой единственный был вы... х... од. – сказав, Борька закрыл глаза на вечно.

Иван встал, и молча осмотрел спортзал. Вдруг, он почувствовал, что у него в левой руке что-то есть. Он посмотрел,

и ужаснулся: тот самый окровавленный нож, которым черт-убийца и убил всех школьников! Нож исчез из горла Борьки, и каким-то образом очутился в руке Ивана. К тому же вся одежда Ивана так же таинственно забрызгана кровью (хотя минуту назад она была чистой). – Влип по полной программе! – тихо буркнул Иван.

– Убийца! – закричали все, показывая пальцами на Ивана, – Вот он убийца, на помощь, милиция!

Прудников понял, что бесполезно им что либо объяснять. Единственный выход из положения-бежать. Иван рванул со всего размаху к выходу, сшибая всех на своем пути. И когда он выбежал из школы, то увидел, что его силуэт на планке резко наклонился в сторону темного «да». Пока Иван убежал из школы, к зданию подъехал наряд милиции и скорая помощь.

Когда Иван прибежал домой, то увидел, что наказание невидимого работодателя было приведено в исполнение. Квартира вновь оказалась старой, черной, грязной и полуразрушенной. Еды опять не было, а Жанна Павловна стояла перед Иваном и разводила руками, не зная что сказать.

– Это ты во всем виновата! – не зная на ком сорвать злость, Иван выбрал мать, крича на неё громким голосом.

– Я? Да в чем, Иван?

– Из- за тебя он умер!

– Кто?

– Мальчик! А я теперь маньяк! Ну маменька, я от тебя такого не ожидал! Пожалуй, что тебя наказать нужно.

– Сынок, да ты чего? – удивленно спросила Жанна Павловна.

– Это ты меня погубила! Это ты сделала меня бедным! Это ты, злая и противная, ненавистная и не любимая! Чего ты этим добилась? А?! Скажи, чего ты этим добилась?

– Да как ты со мной разговариваешь?

– Заткнись! Слушай меня, мамочка, пока я говорю! И не перебивай!

– Грубиян!

– Ты не поняла меня?! – Иван взял Жанну Павловну за горло, и прижал к стенке.

– Отпусти! Мне больно и не чем дышать!

– А мне думаешь, не больно! Впрочем так, мама! Я тебя убью. Так легче будет.

Он отпустил её, ушел на пять минут на балкон, и потом вернулся и воткнул нож в грудь своей матери. – Умри мое страдание! Я теперь буду творить то, что называю хорошим! – говорил Иван, вдавливая нож в грудь Жанны Павловны. Потом он взял, зажег спичку, и кинул на бездыханное тело. Когда Иван вышел из дома, квартира полностью полыхала огнем. – Меня здесь больше никто не увидит! – грозно сказал Иван, и пошел в сторону парка.

Время обеденное. Однако на улице непривычно имеется густой туман. Прудников шел по тротуару, весь разъяренный, и слушающий звон сирен пожарных машин, подъехавших к дому. Дойдя до перекрестка, где разлилась большая лужа, Иван взглянул на свое отражение.

– Вот оно лицо горя и несчастья. – сказал он, вглядываясь в свое отражение, – Лицо зла и насилия. Эх... А так хочется любви, ласки, добрых слов и обращения. Где бы все это достать? Дьявол и невидимый голос мне помогут. Я выполню их задания. Иного выхода у меня просто нет. Вся моя прошлая жизнь – протухший помидор, раздавленный тяжелым ботинком времени. К счастью я избавился от этого тяжелого груза. Как моя душа трепещет, оказавшись на свободе! Еще десять заданий, и я буду выше, чем остальные.

Но рядом с ним прошла молодая семья. Счастливые муж и жена вели троих девчонок, своих дочек, видимо на прогулку.

– Мама, мама, смотри! – кричали девчонки, бегая вокруг мамы, и не давая папе нормально до рассказать какой-то анекдот жене. И у Ивана все внутри перекошилось. Душа уже не трепетала, свобода пропала, а во рту образовалась горечь. И горечь отнюдь не от жажды. Их отражение в луже светлое и ясное. Да и тени этой молодой семьи приветливо хвали-

лись, что у них хорошие хозяева. И что слово «мама» для теней- важное в этой семье.

– Мама... – тихо проговорил Иван, – Мама... У них она есть. И они её уважают. У меня тоже мама... была, – он закрыл лицо руками, – Господи! Да я её убил! Лишил себя последнего и самого важного! Я потерял все! У людей есть родители, а у меня и друзей то нет! Что же я за человек тогда? Иль не человек уже? Когда у меня вырастет шерсть и клыки? А когда я забуду человеческий язык? Где вообще я? Зачем я живу теперь, когда все, что пыталось мне помочь, уничтожено?

Прудников слишком поздно осознал то, что ему советовал Жмуриков. Поняв, что он уже никто, и его с жизнью связывает только одно слово «жизнь», Иван упал на колени, и окунулся в грязной луже, по которой ездят машины, в которой плавают комки грязи и пыли. Окунувшись лицом, Иван полностью залез в лужу, и стал как собака радостно возится в ней. А в голове у него вертелся образ со свиньей, и что он такой же. Но Ивану пришлось выскочить из лужи, поскольку ехал грузовик с мебелью. Но он не отполз далеко от лужи, и проехавший грузовик облил Прудникова грязью и брызгами. – А- а- а- а! – довольно закричал он. Когда грузовик проехал, к луже подошли три уличных собаки. Им нужна вода. И Иван, посмотрев на собак, стал делать как они, пить из лужи. Из тумана показался народ, и многих шокировало то, что в лужи вместе с собаками возюкается человек. Но народ

только шел. Никто не остановился, и не спросил в чем же дело. Все просто обходили Ивана стороной. Даже милиция, и та проехала с понтом ничего не случилось. Наплевать, что человек занизил свои качества, и успешно деградирует в животное. Важно то, что это не прилично, и что надо обойти стороной. Дабы не подцепить какую-нибудь заразу.

Изрядно повазьякавшись в луже, Прудников весь грязный и в оборванной одежде, но довольный и счастливый пошел в парк, получать очередные миссии для желаний. Народ отбегал от Прудникова, идущего по тротуару, как от чумы. Только вот молодежь золотая, решила поиздеваться над человеком. Пара подростков, в возрасте восемнадцати лет, подбегают к идущему Прудникову. Все в модных одеждах, с сотовым телефонами, из которых очередная заморская рок- группа орет, со жвачками и мордами, которым явно не хватает кирпича для полного усовершенствования.

– Мужик! – со смехом спросил первый, – Ты чего? – и дружески жажнул рукой по грязному пальто Прудникова. Иван только улыбнулся, не отвечая на вопрос подростка.

– Слышь, Диман, да он глухой! – обрадовался второй, – Эй, ты дурак? Мужик, я спрашиваю ты дурак?

– Не трать слова! Он же идиот! Или очередной бедняк, вылезший невесть откуда!

И оба дико засмеялись, следуя за Прудниковым. Возле входа в парк, Диман притормозил Ивана.

– Чувак дай закурить!

– Я таких слов больше не знаю, – совершенно спокойно сказал Иван.

– Глянь, а он базарить умеет!

– Да, значит не тупой. Жаль...

И оба дико засмеялись. И несмотря на народ, проходящий мимо, подростки начали обыскивать Ивана на предмет чего-нибудь вкусенького. Впрочем, народу все равно. Никому нет дела, что бедного бедным делают. У всех свое, а соотечественники – слово для маразма в умах многих ныне живущих. – Он пустой! – возмутился Диман.

– М- да, чувак. Пожалуй, что тебя проще всего к Чубрику сводить. Он знает что с такими олухами делать.

– Не- не, лучше к Мачо. Он его разогреет!

А Прудников, слушая их, ни слова не понял. Он понял только одно: либо показать им кулаки, либо сгинуть, не завершив дела. Впрочем, когда Диман хотел свихнуть Ивану руку, он схватил подростка за шиворот, ударил ногой по животу, и бросил на асфальт.

– Охренел?! – дико ругнулся второй, бросился на Ивана. Но тут же отлетел на дорогу, и... погиб под колесами автобуса. Чтобы не засветиться на «экране», Прудников побежал к старой карусели, где надеялся встретить выход из текущего положения.

А на старой карусели Ивана ждал сюрприз. Вениамин Жмуриков ждал Ивана возле карусели.

– Вы как узнали? – спросил Иван.

– Да, ты вряд ли поймешь, Ваня, – спокойно ответил Жмуриков.

– Вас дьявол завербовал?

– Никто меня не завербововал. Мне уже три тысячи лет, и я родился не в России, а в Египте.

– Мумия? – удивленно спросил Иван.

– Да что-то в этом роде. Только я добрая мумия. Надеюсь, ты в этом убедился...

Прудников сел на землю, и почесал грязный затылок.

– Непонятно.

– Ваня, я работаю на Междумир- узкую параллельную реальность между Раем и Адом. В Междумире живут те, у кого добрых дел и грехов равное количество. Так уж получилось, что я как раз к ним и отношусь. Междумир чем-то похож на Землю, только в нем сейчас уже 40 век, а не 21, как у людей. В Междумире время идет вперед на одиннадцать лет. Впрочем, в нем никто не стареет. Да и войны между Раем и Адом нет. Многие из вас считают Рай и Ад врагами. На деле же все иначе – в Аду люди не мучаются. В Аду люди просто живут под надзором тамошних властей. Мучить людей не надо. Насилием ничего не добиться, кто бы его не использовал. А Судный день нужен для того, чтобы позволить человечеству совершить быстрый скачок в эволюции (Био-

логия, Педагогический институт имени Рая 3, Междумир, 1967 год).

– Вот так.

Жмуриков сел рядом с Иваном, и сказал: – Хочешь вернуться к нормальному образу жизни?

– Да. – глаза Ивана засветились, – И маму хочу вернуть!

– Увы, Прудников, увы! – помотал головой Жмуриков, – К сожалению людей возвращать мне нельзя. Так что только материальные и моральные ценности. А то, что ты мать родную убил – не грех. А скорее просчеты в подсознании. Несостыковка отдельных требований. С человеческой точки зрения тебя посадят в тюрьму надолго, но с космической точки зрения ты невиновен.

– Даже так?

– Ваня, убийства – не пороки.

– Ты же оправдываешь зло! – гаркнул Иван.

– Запомни! – Жмуриков погрозил Ивану кулаком, – Нет добра и не зла. А есть лишь одно целое – жизнь. Добро и зло были придуманы людьми специально, чтобы иметь власть над другими. Разве не проста ли схема властителей – добрый, значит свой. Но стоит оступить, как тут же враг, и пошел вон отсюда. Добро и зло – выдумки. И то, что на этих двух понятиях строится вся нынешняя власть – это плохо. Людей загоняют в угол, насильно заставляя быть добрыми или хорошими. Но каждый сам выбирает свою точку зрения и свой путь. И насилием тут сделаешь только хуже. Вот почему су-

ществует криминал – это восстание против власти людей. Восстание против тех норм, которые чужды большинству. Едва ли каждый на планете Земля может сказать, что он 100% счастливый человек? Ваня, желания- надежда многих. Но для тебя они путь к вершине, путь к славе. Я бы мог пройти мимо тебя, да вот к Судному дню ты должен быть готов для того, чтобы стать членом одного из лагерей, которые образуются после того, как большую часть людей расфасуют по Раю, Междумиру и Аду. Те, кто пойдут в Ад, будут брыкаться и стараться попасть в другое место. Знаешь почему?

– Почему?

– Потому что при жизни им внушили, что в Аду их ждут муки страшные за все грехи. Как смешно, кто бы знал! Впрочем, я тоже при жизни думал также. Пока не попал в Междумир, где понял, что люди слишком умные и властолюбивые, падкие на желания и богатство, чтобы разом познать все вокруг.

– Дьявол зачем послал черта-убийцу? Ведь теперь виновным считают меня!

– Ваня, еще раз говорю, не дьявол послал черта-убийцу, не власти Рая, а человек, которого ты знаешь.

– А не ты ли послал эту бестию? – спросил ехидно Иван.

– Делать мне нечего! Людей убивать! Ха, Ваня, я не для этого здесь, чтобы людей убивать.

– Короче, я так понял, что ты и есть тот невидимый голос, – сказал задумчиво Иван.

– Да. Это я, – Жмуриков покраснел, – Твой ум сильный, Ваня. К сожалению ты это осознал поздно.

– А есть шанс все вернуть назад?

– Есть.

– Какой?

– Прости его.

– Кого?

– Прости, что не смог он остаться... Простишь, тогда и вернется все на круги своя.

Иван задумался.

– А вот твое второе задание, – начал Жмуриков, – На мосту столкнуться три бензовоза. Один улетит вниз, на железную дорогу, где в это время будет проходить пассажирский поезд «Оренбург- Москва». Твоя задача успеть за минуту до аварии, и затормозить бензовоз с надписью «MegaFuel», идущий из Самары. Если ты не успеешь, то погибнут пятьсот шестьдесят человек (те, кто в поезде, люди из ближайших машин, и, все остальные, кто окажется в это время на мосту.). Дело в том, что бензовоз «MegaFuel» упав на рельсы, подорвет опоры моста, и конструкция рухнет. Остановить бензовоз нетрудно, тем более что у водителя проблемы с сердцем, и в момент проезда по мосту у него случится инсульт (собственно, из- за чего и произойдет авария). Водитель бензовоза нужен в Раю. Поэтому один человек все же погибнет. Если ты выполнишь задание, то я выполню любые твои шесть желаний, и верну все, что ты потерял (за исклю-

чением людей). Не выполнишь, я сделаю так, чтобы ты сошел с ума. Задача ясна?

– О- о- о! – замычал Иван. – Ясна.

– Тогда торопись! Время ограничено! Авария произойдет через час.

Прудников быстро побежал в сторону остановки. Но вспомнил, как выглядит, и решил добраться до моста бегом. Спустя десять минут, Иван уже бежал возле заправки и дороги на дачный поселок Елшняги. Возле него тормознула такси сиреневая волга. Водитель с весьма не добрым лицом силком затащил Ивана в машину. – Доброго времени суток! – сказал водитель ошеломленному Ивану. Такси медленно поехала к мосту.

Водитель разорвал на себе левую щеку, и перед Иваном предстал старый знакомый.

– Дьявол? – спросил Иван.

– Да. Решил лично порулить людской машиной. Ну как? Водить умею?

– Нормально... Но, я вообще- то...

– Да- да! Я знаю твою миссию. Хитрый Жмуриков, ой хитрый.

– В каком смысле?

– Вот твое третье задание. Ты уже знаешь про аварию. Вобщем, ты должен угнать с заправки, находящиеся через железную дорогу, бензовоз с длинным прицепом и полным бензина, и загородить им мост по середине. Когда два бен-

зовоза поедут друг за другом со стороны Кинеля, бензовоз должен взорваться. Ну а второй довершит начатое. В итоге будет большой бадабум. И ты за него получишь щедрые возможности реализовать свои желание. Ну а не исполнишь, минус два года жизни. Все честно. Итак, Иван, согласен ли ты на это задание? Если нет, то я дам тебе другую миссию.

– Нет, дьявол. Слишком уж ты хитрый, чтобы завлечь меня. Соблазн велик, но пожалуй, лучше попрошу другую миссию, нежели пойду на самоубийство!

– Ладно. Тогда приходи после того, как исполнишь это задание к старой карусели.

Когда они подъехали к мосту, Иван вышел, и пошел на другой конец, чтобы подумать, как же остановить бензовос. А дьявол в это время уехал на такси.

Дойдя до другого конца моста, Иван осмотрел округу. До аварии еще полчаса. Двадцать минут Иван прождал возле заправки, и потом начал усиленно думать над выполнением задания. Вдруг, Ивана осенило. Дьявол, конечно хитрец, но парень толковый, и дал подсказку, которая поможет предотвратить аварию. Тот самый бензовос с длинным прицепом и полный бензина как раз стоит в двух шагах от Прудникова. А если им загородить проезд на мост с этого конца, то... быть может аварию удастся избежать! Несмотря на визги владельца бензовоса и крики других людей, Иван загородил проход на мост. Прекрасно понимая, что народ не поймет, что может произойти, Иван полез в драку, изби-

вая одного за другим. Словами их просто не остановишь. Впрочем, одалеть всех в одиночку Ивану не удалось. Тем более, что разъяренные водители со стороны трассы и со стороны моста уже начали отгонять бензовос с дороги.

– Люди умрут! – кричал полуизбитый Иван, оттаскиваемый к заправке, и не хотевший смотреть на то, как бензовос весьма удачно откотили назад.

– Ребята, «MegaFuel» пускает уже десятую машину за день! – громко сказал водитель камаза.

– Что?! – возмутился Иван, – Уже едет?

Действительно, со стороны трассы, ведущей в Самару, на полном ходу ехал бензовоз с надписью «MegaFuel». А с другой стороны на мост медленно забрались два других бензовоза с прицепами.

– Ребята, ваши тачки целы будут! Только дайте мне загородить дорогу! – кричал Иван, прижимаемый двумя бугаями-водителям к стенке камаза.

– Не тужи мужик! – хохотал водитель камаза, – Сейчас менты приедут, и заберут тебя.

– Да хоть ФСБ, ЦРУ, кто угодно! Но загородите дорогу, машины же едут, и бензовоз едет!

Но его никто не хотел слушать. Бензовоз уже почти подъехал к мосту. Тогда Иван из последних усилий толкнул водителей, и понял- поздно загораживать проход. Надо самому все делать. А со стороны вокзала уже гудел электровоз, везущий двадцать вагонов пассажиров. Это поезд «Оренбург-

Москва». Как раз во время, без опозданий. Время идет на секунды. Оба бензовоза уже на середине моста, а «MegaFuel» только начал карабкаться, вслед за другими машинами, которых на мосту около двух десятков.

– Пацаны! – кричали с заправки, – Держи психа! – И за Иваном бросились человек пять. Иван выбежал на дорогу, и не смотря на сигналы водителей, погнался за бензовозом. Но неожиданно, Прудников подвернул ногу, и впечатался лицом в асфальт моста.

– О нет! – закричал Иван, вскакивая через боль, но тут же падая повторно. До аварии осталось секунд сорок-пятьдесят. У водителя бензовоза с надписью «MegaFuel» случился инсульт, и машина начала набирать скорость, сшибая и прижимая машины друг к другу.

– Эй! Ты чего? – раздавались громкие возгласы водителей. Автобус, стесненный неуправляемым бензовозом, выехал на встречную полосу, сшиб два жигули, сломав ограду, повис над железной дорогой, где в этот момент на все скорости ехал товарный поезд и медленно разгонялся пассажирский. На безобразии на мосту обратили внимание народ на заправке.

– Бензовоз всех топчет. – удивленно сказал водитель камаза, – Кажется, тот мужик не психопат.

– Мужики, людей спасать бежим! – завопили водители грузовиков, сдавленных на мосту, – Тут автобус повис с моста.

И народ потянулся на помощь людям, оказавшимся бес-
сильными перед неуправляемым бензовозом. А в это время
набирал скорость состав «Оренбург- Москва». Камаз, гру-
женный углем не выдержал давки десятка легковушек, и раз-
давил три такси, из которых к счастью успели выбежать лю-
ди. А в это время Иван пытался через больную ногу добрать-
ся до бензовоза, который в открытую выехал на встречу двум
другим. Ивана уже волновало не сколько вознаграждение
за задание, а жизнь сотен людей.

– Тормозите бензовоз! Тормозите бензовоз! – кричал
Иван. И тут между «MegaFuel» и двумя другими бензовоза-
ми выехал грузовик с бревнами. Все три бензовоза врезались
в грузовик, но с разных сторон. Да еще так, что на расстоя-
нии друг от друга, и не произошло взрыва. Иван подбежал
к бензовозу «MegaFuel», открыл дверь, из которой вывалил-
ся умерший от инсульта водитель. Автобус втащили обратно
на мост, и к счастью, апогея аварии удалось избежать. Под
мостом в это время проезжал поезд «Оренбург- Москва».
Большинство пассажиров даже и не знают о событии на мо-
сту. Издав веселый гудок, поезд постепенно разогнался, по-
стукивая по рельсам, и скрылся в туче лесов. Иван глубоко
вздохнул, и прислонился к двери бензовоза.

Предпочитая не разбираться в чем дело, Прудников поко-
вылял с моста, и не смотря на свою безобразную и не очень
чистую внешность, остался не замеченным. Спустя полчаса
трудной из- за подвернутой ноги ходьбы, Иван пришел к ста-

рой карусели, за заслуженным вознаграждением.

Из воздуха вышел Жмуриков, и сел рядом с Иваном, сидевшим на земле.

– Этот грузовик с бревнами случайность, – начал Жмуриков. – Бензовоз ведь остановил не ты. Надо сюда водителя этого грузовика.

– Стоп! – возмущенно крикнул Иван, – Так мне что, нельзя получить вознаграждение?

Жмуриков закрыл глаза, и помотал головой.

– Ясно, – фыркнул Иван, – Значит я зря переполошил всю заправку, и подвернул ногу!

– Зря. И зря ты им сказал про эту аварию, – разъяренно заявил Жмуриков.

– Значит так? – спросил озлобленно Иван.

– Да.

– Да чтоб ты... – хотел закончить Иван свою фразу, да остановился.

– Нет Ваня, я уже три тысячи лет назад умер, – хихикал Жмуриков, – Так что твоя фраза мне как с гуся вода.

Прудников встал, оторвал комок грязи от уха, прочистил его, и пошел в сторону трассы.

– Ты куда? – спросил его Жмуриков.

– Тебе чего? – огрызнулся Иван.

Жмуриков ехидно хлопнул руками, и улыбнулся. Прудников фыркнул, и вышел на тропинку, не обращая внимания на Жмурикова. Пока Иван шел по обочине дороги, ведущей на трассу, рядом притормозило такси. И в нем опять сидел водитель со злым лицом. Ничего не говоря, водитель опять втащил Ивана в машину, и такси начала набирать скорость.

– М-да... – протяжно промычал водитель такси, – Жмуриков оказался еще той тварюшкой.

– Ха! Я сделал все, что было в моих силах! – грозно кричал Иван.

– Знаю, знаю. Да кстати, мы сейчас едем к военному поселку Октябрьский. Там с тобой жаждет познакомиться один товарищ.

– Надеюсь, не человек? – спросил улыбаясь Иван.

– Ты угадал. Он, а если говорить точнее она, не человек. Скажу сразу – ей десять тысяч лет.

– Мумия?

– Да. Она родом из инков, – водитель шмыгнул носом, и к удивлению Ивана, выплюнул через окно чью-то челюсть.

– Мне уже надоело каждый раз есть челюсть Фредди! – возмущенно гаркнул водитель, – Я его прошу: «Ну пожалуйста, сделай нормальное блюдо! «Из Крюгера повар, как из тебя, Иван, нормальный человек, честное слово!

– Ясно, – не найдя чего сказать в ответ, промычал Иван.

– Вобщем так, Ваня. – начал водитель, – Надеюсь, ты узнал меня? Крылья в машине не уместятся, так что при-

шлось очеловечиться. Вот мое второе задание. Когда мы подъедем к поселку, тебе нужно выскочить из машины, и пробежать сквозь гаражи до болота. Сделаешь это, я выполню любые три твоих желания. Согласен, или не согласен?

– А как я сквозь гаражи побегу?! – возмущенно спросил Прудников, – Тем более с больной ногой!

– Ах! Я инвалид, ножка болит! – смеялся водитель, – Ты кто: человек с высшими способностями, или тряпка, умеющая говорить?

– Скорее первое, – обижено сказал Иван.

– Тогда чего дрейфим? А? Я ведь прошу тебя самое малое! Там ведь всего тридцать гаражей! Ваня, ты сильнее, чем я думал. А главное то, что ты этого не хочешь признавать! Признай, что ты лучше, и тогда эти гаражи для тебя покажутся мелочью, песчинкой!

Иван с минуты три думал. В это время перед ним показалась планка с его фигурой. Фигура все больше клонилась в темному «да», и Прудников стал махать руками, чтобы планка исчезла.

– Так да или нет? – спросил водитель.

– ...да, – неуверенно, протяжным голосом ответил Иван.

– Вот мой совет Иван: когда будешь бежать сквозь гаражи, или через что-то другое, представь перед собой образ матери. Я знаю, ты чувствуешь вину перед ней. Она придаст тебе силу, придаст гнева и придаст человечность. Только представляй её образ сильно-сильно. И чтобы не было сомнений!

Спустя полторы минуты, такси подъехала к воротам поселка Октябрьский. Водитель силой вытолкнул Ивана из машины, и тот через силу боли в ноге побежал к воротам.

– Эй, ты кто? – спросили его солдаты, охраняющие въезд. Иван замешкался.

– Чего ты медлишь?! – раздался гневный голос водителя, – Улитка хромая со здоровым разумом!

Иван тут же перелез через ворота, несмотря на требования и возгласы солдат, и растерялся. Слева и справа имелись гаражи. Только справа гаражей больше, и Иван вопросительно обернулся назад. А водитель бил руль, его глаза вылетели из орбит, и превратились в указатели. Указатели показывали направо, и Иван, сшибив троих солдат, начал разгон.

Расстояние для разгона маленькое, времени в обрез, и Иван старался представить перед собой образ матери. Но тут ситуация дошла до смешного. Солдаты уже не пытались остановить Ивана, и кричали: – Стой, псих! Убьешься же! В первый раз Иван не успел представить образ матери, и со всего размаху влетел в кирпичную стену, заслонявшую гаражи. Да еще так влетел, что вся грязь с Ивана камнепадом посыпалась, а сам он отлетел на приличное расстояние с приличной вмятиной на голове. Солдаты просто стояли, и смотрели то на стену, то на Ивана. Прохожие визжали и звали врачей, а водитель в такси схватился за голову.

– Нет, пора с поста дьявола уходить! – жалостливо сказал он.

Во второй раз та же самая история. Когда Иван стал разгоняться в третий раз, то увидел перед собой яркую вспышку, и толпы людей, идущих по небу. Сам Иван стоял на куске асфальта посреди черно-белой пропасти, на дне которой лежали сделанные из камня «да» и «нет» (причем этих «да» и «нет» очень много).

— Где я? — спросил Иван. Дальше он увидел каменную стену белого цвета. По середине имеется узкие деревянные ворота. Слева от них черно-белые ворота с различными узорами, а справа от деревянных ворот бело-черные ворота с различными узорами. И вокруг всех трех ворот стоят ангелы, черты и полупрозрачные люди. Выше, на квадратных площадках стоят ангелы, которые трубят рассвет, голуби, которые поют песню восхода и черты, несущие списки всех прибывших.

Из узких ворот вышел низкого роста старичок с добрым лицом, в зеленом халате, и с деревянной палкой в руке.

— Подходите! — закричал весело он, — Будем чиститься!

И с разных сторон к воротам начали подходить люди. Ивана вперед толкнула Жанна Павловна, которая ждала начала чистки, придя сюда после смерти.

— Идем сынок! — вежливо сказал она, — Сейчас тебе предстоит сделать очень важный выбор.

Иван, удивленный всем происходящим вокруг, пошел вперед. Когда собралось сотни две народу, старичок весело сказал: — Меня зовите Харон-2. Итак, дамы и господа, вы

на Малом Судном Дне. Сейчас я буду по очереди называть фамилию и имя, вы подходите ко мне, исповедуйтесь, и пожалуйте... либо в Рай, Ад или Междумир. Этот Малый Судный День происходит в триллион пятый раз за все существование человечества. Помните, Ад-не мука, а просто надзирательный мир. Итак, начнем! – Харону- 2 черт сбросил свиток. Когда старичок развернул его, началось зачитывание.

Вокруг только пропасть... – тихо начал Харон- 2, – Но это не значит «все». «Все» не будет никогда, – с минуту он помолчал, затем продолжил, – Дмитриева Алла Алексеевна.

Из толпы вышла молодая девушка лет двадцати, в зелено-темном халате и с оранжевыми пышными волосам. Подойдя к Харону- 2, она сильно начала плакать (к слову, все остальные тоже будут рыдать. Даже мужчины).

– Алла Алексеевна, – начал Харон- 2, – Вас убили из-за того, что вы изменили своему любимому. Давайте разбираться...

– Я всего лишь его разлюбила! – вхлипывая говорила она.

– Итак, год назад вы познакомились с Е., и начали тесно общаться. Ваш бывший любимый человек не выдержал, пришел за вами, но вы его послали куда по дальше. Это нельзя назвать оскорблением, Алла Алексеевна, но этими словами вы убили себя же. Аккуратнее в следующей раз! – Харон-2 громко крикнул, – Люцифер!

– А! Что такое? – раздался беспокойный голос из Ада.

– Поди-ка сюда. Чего- то я не разбираю букв.

Из Ада вышел корявой походкой сушеный демон и улыбался трясущимся от страха исповедникам.

– Харон- 2, я вообще-то в бане мылся! – возмущенно сказал Люцифер.

– Ты ведь мастер в русском. Скажи-ка, что тут написано?

Люцифер взял листок, и громко прочитал: – Дмитриеву Аллу Алексеевну переселить в душу ястреба, и дать свободу.

Стоило ему только это сказать, как ангел подлетел к ней, и взял за руку.

– Идем, новый житель природы, – тихо сказал ангел. И Алла Алексеевна превратилась в ястреба, и полетела через пропасть обратно в реальный мир.

– Я свободен? – спросил Люцифер.

– Пока да, – перелистывая листок сказал Харон-2, – Следующая... Жанна Павловна Прудникова.

Жанна Павловна вышла к Харону-2 с почти сухим лицом.

– Чего не плачем? Обычно у людей здесь совесть просыпается, – спросил Харон- 2.

– В жизни все выплакала, – угрюмо ответила Жанна Павловна.

– Вас убил сын. Хм-м, как жестоко, ножом в грудь. Пожалуй, с вашим сыном Ваней надо поговорить. Итак, ваша жизнь была не очень веселой. Особенно в последнее время. Ваша душа трепещет перед добром, но не гнется перед тьмой. Вы сильны, а стало быть на небесах от вас толк будет. Но с учетом того, что ваш сын здесь, и он осознал свои ошиб-

ки, вас решено обоих простить и вернуть на Землю. Поэтому вас, Жанна Павловна, прошу пролететь к выходу, а Иван Демидович Прудников сюда!

Из толпы вышел удивленный Иван. Подойдя к Харону-2, Иван спросил: – А где же Всевидящее Око?

– Оно в нас, – сказал Харон- 2, прикоснувшись к Ивану, – В голове, в сердце и в коленях.

– Смысл всей жизни? Каков он?

– Не навидь свою кожу, и тогда перестанешь терзаться вопросом о жизни.

– Не понимаю!

– В том то и смысл! Без непонимания не было бы понимания, мой друг! Иван, ты думаешь я тебя судить сейчас буду? Зачем? Ты ведь высший человек! Ты осознал свои ошибки. И за что тебя судить? Ты осознал, отпустил свои минусы, открыл свой разум, и позволил многому произойти. Земные дела- не наше дело. В Раю следят за поведением Вселенной, в Междумире за подсознаниями всех живых существ, а в Аду следят за своими словами. Ваш мир един, но он отвергнут сегодняшним нравом. И Судный день нужен во все не для того, чтобы показать всю власть других миров над вами. А для того, чтобы дать высший толчок эволюции для людей. Впрочем, тебе наверняка это уже должно быть известно. Твоя мать сейчас влюбилась в Жмурикова. И ты не встревай в их отношения. Дай времени расставить все на своих местах.

Но Харон-2 второй не успел закончить свою речь. Все вокруг потемнело, и Иван пришел в себя, лежа в машине такси на заднем сиденье. За рулем сидел дьявол, не скрывая своего облика, а рядом с ним какая-то женщина.

– Мне сказал Люцифер, что твоя мать через день будет на Земле, – начал дьявол, – Но соблазн рядом, и он не уйдет просто так.

Когда дьявол закончил, в машине заиграл тяжелый рок, женщина повернулась, и Иван оторопел. Перед ним как раз та самая Алла Алексеевна Дмитриева!

– Я соблазн! – завывала она, вертя руками, – А ты моя жертва! Ха- ха- ха!

И Соблазн набросилась вместе с дьяволом на Ивана. Машина потеряла управление, вылетела в кювет, и протаранила забор дачи трижды перевернувшись. А в машине в это время Ивана пригвоздили к потолку, Соблазн цапала его своими острыми когтями, а дьявол визжал на ухо диким протяжным и тройным голосом. Тяжелый рок перешел в фазу апогея. Громкость повысилась, а басы разрывали перепонки в ушах. Иван пытался отбиться, но тщетно. Его кожа покрылась хорошо заметными царапинами, и Соблазн решила влезть в его разум. Открыв череп головы Ивана, Соблазн забралась туда, а дьявол стал отрезать от себя куски мяса, и разбрасываться ими по машине. Машина взлетела на воздух, опять трижды перевернулась, и полетела к воротам, сшибла троих солдат, а затем разогнавшись, полетела сквозь гаражи к бо-

лоту. И пока машина летела сквозь гаражи, Соблазн вылезла из глаз Ивана, и оторвала левую переднюю дверь.

– Я люблю тебя! – завопила Соблазн, – Ваня, ты моя любовь! – и когда машина вылетела на болото, гаражи разлетелись на мелкие кусочки.

Прошел час. Иван проснулся от гудения в голове, и осмотрелся в округе. Он лежит на большом деревянном плоту по среди густых зарослей камыша в болоте. Рядом с ним лежит Соблазн в зеленовато-темном халате, и спит. А на другом конце плота дьявол сидит, и водит рукой по воде.

– Иван, – начал дьявол, – Вот твоя жена, – он указал пальцем на Соблазн.

– Она? – недовольным тоном сказал Иван.

– А что, она красивая, заботливая. Выполнит все, что ты хочешь.

– ...соблазн.

– Ваня, это жизнь!

Соблазн проснулась и потянулась: – Как хорошо!

– Я вас покидаю, – начал дьявол, – Иван, было приятно с тобой работать. Еще раз извини, но это жизнь. Соблазн будет тебе хорошей женой. Прощай, – сказав, дьявол нырнул в болото, и скрылся на дне.

– Ваня, – подлизывалась Соблазн.

– Чего тебе? – озлобленно спросил Иван.

– Кушать? Пить? – спросила Соблазн. Перед Иваном появилась скатерть, так скажем «самобранка», с кучей еды и питья, – А ты чистый и в хорошей одежде. Не видишь?

– Ух ты! – удивился Иван, – И правда, все чисто! Спасибо!

– Пожалуйста, любимый! – Соблазн медленно обвила Ивана, когда тот начал есть,

– Будешь? – спросил он.

– С удовольствием! – протяжным и романтическим голосом сказала Соблазн, садясь рядом с Иваном.

Спустя пять минут трапеза завершилась.

– Скажи, – начал Иван, – Где ты родилась, и как стала Соблазном?

– О- о- о, это долгая история, – ответила Соблазн.

– Ничего. Я никуда не тороплюсь.

– Ну тогда слушай. Родилась я в семье знатного инка. Мне дали труднопроизносимое имя. Мое детство протекало крайне весело, без проблем и невзгод. Потом война с соседними племенами за власть в Андах. Мой отец пошел воевать, но погиб в яростной схватке. Из-за неурядиц в племени, выбирать правителя решено путем конкурса на самое доверительно-соблазнительное предложение понравившемуся мужчине. Это среди женщин. Среди мужчин традиционно схватки на мечях. Я победила, соблазнив своего друга детства. Правда реально он мне был противен до ужаса. Позже пришлось сражаться с победителем в мужской группе. А сра-

жение было на словах, открывающих ворота к страсти, со-
кровенным желаниям и порокам. И я выиграла! Стала пра-
вить племенем, удачно завершила войну, и слыла самой муд-
рой женщиной-правительницей инков в Андах. И если бы
не малярия, сгубившая мою жизнь, я бы достигла своей дав-
ней мечты-стать хозяйкой Южной Америки. Потом я верну-
лась из Ада, где дьявол дал мне все уроки правильной жиз-
ни, и воплотилась в вампиршу, жившую в Трансильвании.
Сколько я загрызла людей-не сосчитать! И у каждого разная
на вкус кровь. Жила я в облике вампирше до турецкой экс-
пансии на Балканы. Потом я улетела на Скандинавские го-
ры, где была убита викингем, умным командиром. С ним я
поближе познакомилась в Междумире, и как оказалось, он
в меня был пылко влюблен. Затем я стала доброй крестьян-
кой на юге Испании в 17 веке. У меня была большая семья
из пятерых детей и красавца-мужа, который успешно вое-
вал на Новом Свете. Ну а дальше, в Раю я узнала про груп-
пировку агентов- шпионов, состоящих из рядовых ангелов.
Их цель-следить за историческими лицами. Я следила за На-
полеоном, Рузвельтом и членами индийского правительства
в 80-ые года 20 века. Потом, я связалась с Соблазном. Кра-
сивый мужчина, в жизни был генералом шведского войска,
вскружил мне голову. Я пошла за ним, и в итоге, когда его
повысили в звании (он теперь работает Страхом), на пост
Соблазна поставили меня. И вот, я по сегодняшний день им
и являюсь. А имя Алла Алексеевна Дмитриева-это не насто-

ящее. И на том Малом Судном Дне ты видел другую женщину, не настоящую мою копию.

– М-да, – вздохнул Иван, – Насыщенная у тебя жизнь, Соблазн.

– Иван, послушай меня. Я твою жизнь превращу в бурный поток событий и приключений. Все только начинается... Но я люблю тебя! И хочу создать с тобой семью. Одно другому не мешает! Давай оставим все принципы и законы, и сольемся в объятиях любви! – Соблазн сняла с себя халат, и начала раздевать Ивана.

– Послушай! – вздрагивающим голосом начал Иван, – А-а-а это не слишком?

– Отнюдь! – ответила Соблазн.

Когда они оба оказались раздетыми, их сердца вылетели наружу, и соединились воедино. То же самое сделали и Иван с Соблазном-они набросились друг на друга в порыве страсти, и волна любви разлетелась на плотом. Около часа их общее сердце билось об плот, на котором рождалась новая семья с необычными нравами, отношениями и непредсказуемой судьбой.

Глава II. Война без жертв

Иван проснулся от сильной боли в сердце. Он огляделся по сторонам, и обнаружил, что лежит на обочине трассы, а рядом большая походная сумка. Не понимая, что происходит, Иван долгое время оглядывался по сторонам. Он долго смотрел на свой чистый, но слегка запыленный костюм: черная куртка и белые штаны.

Потом он оглядел сумку, но открывать её не решился. Вдруг, у него в кармане зазвонил телефон. Прудников достал из кармана розовенькую раскладушку, и посмотрел на номер. Название звонившего Ивана одновременно удивило и заставило насторожиться. На дисплее телефона бледными черными буквами написано: Без жертв. А внизу всего три цифры: 444. Иван решил ответить на звонок.

– Да, – настороженно сказал он. Из-за шума машин, Иван сразу не расслышал, что ему сказали.

– Я говорю, твоя жена у меня! – раздался хриплый и угрожающий голос, – И ей очень больно!

– Я сейчас брошу трубку! – крикнул Иван.

– Ладно. Тогда твоя жена умрет. Выбирай. Если ты ее любишь, если твой соблазн говорит так, чего ждешь? Но если черный соблазн кинул тебе задачу спастись самому – беги. Но я до тебя доберусь в таком случае еще быстрее!

– Кто ты и что тебе надо?

– Я? Я Без жертв! А ты, Ваня, иди за соблазном! Иди, иначе хуже будет!

– Дай мне жену к телефону! – настойчиво потребовал Прудников, – Я хочу услышать ее голос!

– Эх ты хитрец! – хохотал голос в трубке, – Твоя жена будет мертвой, если ты не прибудешь через десять минут на вокзал. Я тебя встречу.

Иван хотел еще что-то сказать, но странный собеседник (или вымататель?) повесил трубку. Постояв с минуты три, Иван схватил в руки сумку, остановил такси, и поехал к вокзалу. Когда такси подъехала к мосту, ведущему через рельсы на вокзал, Иван сосчитал, что прошло пять минут.

– Спасибо! – вежливо сказал Прудников, выходя из машины.

– Э! А деньги? – возмущенно гаркнул водитель, – Думаешь, я тебя за даром довезу?

– Что вы! – оторопел Иван, – Сейчас я заплачу! (А у самого в мыслях: «Влип! Где же я деньги то возьму? Может в сумке?»)

Но открыв сумку, глаза Ивана полезли на лоб. В сумке лежат целая пачка патронов, пистолет с глушителем, гранатомет (!) с боеприпасами и записка, в которой написано:

«Извини, но денег на такси я не смогла найти. Жаль водителя, но таковы правила войны. Надеюсь, ты успеешь меня спасти. Люблю тебя и целую.

Соблазн.

Р. С. Удачи»

Прудников не нашел, что можно сказать по поводу записки. Пистолет уже был заряжен, и Иван осторожно вынул его из сумки.

– Извини, мужик, – виновато сказал Иван, – Но денег нет. Я их забыл.

– Да? Сейчас я ментов позову, они тебе по макушке то настучат! – возмущенно буркнул водитель.

– Нет. Они не настучат. И ты не настучишь. Эх, и я не настучу... – с бледным лицом сказал Иван, – Прощай. И выстрелил водителю в затылок. Все лобовое стекло оказалось забрызганным кровью, и Иван быстро выскочил из машины, схватил сумку, и на мост. Осталось две минуты, и Иван бежал как мог. Свое дала знать и вывихнутая на мосту нога. Прудников спотыкнулся, когда спускался с моста на Южную сторону. А сумку он не закрыл, и на удивление двух милиционеров и толпы горожан, гранатомет и боеприпасы вывалились на землю. А Иван распластался на лестнице, со сломанной рукой, и с огромным синяком под глазом.

– Офигеть! – буркнул милиционер, доставая наручники, – Бандит- террорист прямо нам в руки! Такое редко бывает.

Но Прудников вскочил, подобрал сумку, гранатомет и боеприпасы, схватил пистолет, и побежал к вокзалу. К нему на встречу из здания вокзала выбежало два человека с автоматами.

– Он! – сказал один. И не говоря ни слова, они затащили

Ивана в вокзал, расстреляв милиционеров. Горожане забежали, закричали, а эти два человека приперли Ивана к стенке, и сказали: — Мы уносим сумку, а ты беги за женой. Она лежит на пути возле моста через реку Кинель, и скоро там проедет товарный поезд. У тебя осталось десять минут.

— Все?! — только и успел крикнуть Иван, как от них и след простыл. Но время идет, и Прудников, выбежав на перон, начал суматошно оглядываться по сторонам.

— Вот он! — закричали милиционеры, выскакивающие из УАЗика, подъехавшего на подмогу.

— О попал, нет слов! — схватился за голову Прудников. Крепко сжав пистолет, Иван с криком побежал на троих милиционеров, попутно застрелив еще одного. выскочившего из багажного отделения. Заскочив у УАЗ, Иван быстро поехал по путям к мосту. Машина по путям не ходит — это закон. И потому, УАЗик мотало из стороны в сторону.

— Эй! Эй! — кричали милиционеры, а горожане с любопытством смотрели, как УАЗик, подпрыгивая, стремительно улепетывал от страж правопорядка. Через четыре минуты Иван ехал по рельсам. Машина того и гляди разоврется на две части, а Иван судорожно рулил, стараясь держать равновесие. Доехав до моста, Прудников дал волю отдышаться. Осталось три минуты. Он быстро выскочил на пути... и увидел, что на одной из шпал лежит записка. Ни жены, ни кого.

— Прекрасно! — гаркнул Иван. А в записке написано следующее:

«Ты выполнил четыре задания. Еще два, и ты получишь все, что пожелаешь. Впрочем, ты итак уже все получил, когда я стала твоей женой. Не пытайся убрать планку со своей фигурой! Если ты хочешь меня вернуть, и стать королем мира, то доберись до военного поселка Октябрьский, убей охрану ворот, и застрелись сам! Иначе, ты потеряешь и меня, и двадцать лет своей жизни, в качестве большого штрафа. Итак, ты готов выполнить эту миссию, и спасти меня? Если «да», то просто кивни головой. А если «нет», то лучше уезжай из Кинеля Милиция не даст тебе спокойно жить. Люблю, и жду своего спасителя.

Соблазн»

Иван полчаса стоял на одном месте, и думал «да» или «нет». «Нет» или «да». Но вдруг, он кивнул головой, и перед ним появилась планка, с фигурой Ивана. Фигура вообще почти наклонилась к темному «да». И Иван, не желая на это смотреть, быстро побежал через лес на трассу.

Спустя два часа Прудников добрался пешком до Октябрьского. Дойдя до ворот, Прудников по тихому перестрелял охрану, благодаря глушителю на пистолете. Теперь надо застрелиться самому.

– Страшно... – с дрожащими руками направил на себя пистолет Иван, – ...очень страшно. Е

Его дыхание участилось, пульс увеличился, а сердце того гляди выпрыгнет.

– Ай, зачем я согласился? Зачем?

Но, поздно что либо менять. Задание уже началось, и его надо довыполнить. С какой-то откровенной ненавистью смотрел Иван на дуло пистолета. Он слышал, как соблазн зовет его: – Король мира... Ты Король мира! Давай, не жди золотых тарелок, создай их сам! Давай, жми на курок! Отдай все за деньги и славу! Ведь-это самое главное в жизни человека.

Но и в то же время Прудникову громко кричало подсознание: – Остановись! Что ты делаешь? Никогда не поздно что либо отменять! Уйди из игры, создай свое будущее СВОИМИ руками, а не руками соблазна. Он ведь велик! Но ты должен быть ВЫШЕ его.

– И кого мне послушать? – спросил отчаянным голосом Иван, – Кого? Кто лучше?

Неожиданно Иван опустил оружие.

– Т- а- а- к Иван, Иван Демидович, будь ты человеком, если таковой еще есть в тебе! – громко и четко говорил сам с собой Иван. Вокруг уже собрался народ, увидевший трупы солдат.

– Очень скоро с тобой разберутся по хорошему! – кричали из толпы.

– Ты... да ты кто? – спросил сам себя Иван, – Тебе тридцать лет! Ты уже дылда, а разума нет никакого.

– Это мать во всем виновата! – тут же грозно вскричал Иван, – Это из- за её я здесь! Это из- за её я в такую жо... угодил! Добавил бы эти две буквы, да совесть потом заму-

чает!

– А если подумать, и поразмышлять? – тихим голосом сказал Иван, – Виноватых будет немного. И матери там не окажется.

– Но это задание даст тебе ВСЕ!

– Не верь!

– ВСЕ, ВСЕ! ВСЕ даст, и сделает ВСЕ за тебя!

– Не верь!

– Кто лучше? Соблазн, дающий тебе ВСЕ, или совесть, которая ничего не дала тебе за все тридцать лет жизни?

Соблазн! – ехидно сказал Иван после этой короткой перепалки с самим собой. Его глаза загорелись, и он вновь направил пистолет на себя. Не долго думая, Иван выстрелил в себя. Пуля попала прямо в лоб, и прошла на вылет жирными брызгами крови. Прудников громко упал на асфальт, и его глаза потухли.

– Он жив? – спрашивали доктора горожане.

– Он пустил себе пулю в лоб! – ворчал доктор, – Как после такого можно остаться в живых?

– Значит умер?

– Да. Вот только странно...

– Что? Что, говорите!

– Странно то, что этого человека сердце продолжает бить-

ся.

– Значит он жив? – спросил полковник, растаскивая толпу.

– Нет. У него сердце упало... – настороженно сказал доктор, щупая живот, – Его сердце упало в кишечник!

Многие женщины упали в обморок от сказанного.

– Вот тебе феномен! – удивленно сказал полковник.

– Как такое вообще возможно?! – спросил полковник.

– А мне откуда знать? Во врачебной практике такого никогда не случалось! По крайней мере в моей. А я работаю врачом уже двадцать пять лет. Надо везти его на вскрытие. Тогда все станет ясно.

Через час на вскрытии. Доктора очень аккуратно разрезали лоб, и посмотрели, как же пуля аккуратно прошла через всю голову. Тут доктора ахнули: мозг цел. Пуля прошла сквозь голову, не задев ничего, и вылетев сзади имитировала всплеск крови. Короче говоря, дырки сзади и спереди головы Прудникова можно назвать декоративными. Подумав, доктора решили не комментировать это, поскольку слов нет.

Начало самое интересное... Доктора скрыли живот, и пощупали кишечник. Сам кишечник по форме сильно напоминает сердце, и по настоящему бьется!

– Феноменально! – сказали доктора хором,, – Это нонсенс в науке! Сердце человека перекочевало в кишечник!

Когда один из докторов начала аккуратно разрезать кишечник, тело Прудникова резко дернулось, его руки подня-

лись, и ударили доктора по лицу.

– Мертвец! – закричал доктор.

– Нет. Судороги, – сказал престарелый доктор, – Ох уж эти практиканты!

Разрезав кишечник, доктора вынули сердце, которое начало биться еще сильнее.

– И куда это бессмертное сердце? – спросил доктор.

– Пока положи в банку, вон на столе.

Доктор положил сердце в банку, и всей группой начали рассматривать органы Прудникова. Где-то полчаса доктора разглядывали организм Ивана, как вдруг сердце в банке начало дрыгаться, и прыгать.

– Это еще что такое? – буркнули доктора хором. Сердце дрыгалось и прыгало все сильнее и сильнее. Затем из сердца вылезли мужская и женская руки. Затем ноги. Наконец лопнула банка, и на столе, обнявшись, сидели Прудников и Соблазн. Доктора все за скальпели, а практикантов как ветром сдуло.

– Ох уж эти практиканты! – ворчал престарелый доктор.

Одетый в смокинг Иван, и в блестящее красное платье Соблазн смотрели друг на друга с влюбленными лицами.

– Милый, я так рада что ты меня не бросил! – ласково сказала Соблазн.

– Я в огонь пойду ради тебя! Скажи, а зачем понадобилось дьяволу тебя похищать? – спросил Иван.

– Чтобы еще раз показать, что ты лучший!

Прудников и Соблазн вышли из морга, а доктора предподчили никому об этом не рассказывать. И последним их удивлением стало испарение предыдущего тела Прудникова.

– Последнее задание будет самым трудным, – говорила Соблазн, шагая с Иваном по улице.

– И какое оно?

– Ты готов стать отцом?

Прудников остановился.

– Ваня, ты готов стать отцом?

– Что?

Иван смотрел на Соблазн крайне вопросительным взглядом.

– Дело в том, что я беременна, – радостно сказала Соблазн, – Ты рад?

– Ха- ха! Беременна? – недовольным голосом спросил Иван.

– Да. Наконец то, за всю мою жизнь это все таки случилось! – мечтательно сказала Соблазн.

– ...это еще только не хватало! – буркнул Иван.

Через несколько часов они пришли на площадь Мира. Присев на скамейку возле киоска распечати, между Прудниковым и Соблазном состоялся серьезный, тяжелый и откровенный разговор.

– Уже десять часов вечера, – вздыхая сказал Иван, посмотрев на часы.

– А какое красивое небо! – воскликнула Соблазн, пока-

зывая пальцем вверх.

– Небо как небо, – угрюмо сказал Иван, – Ты сколько дней беременна?

– Сутки. Скажи, а ты кого хочешь: мальчика или девочку. А может, близнецов?

– Хватит! – грозно рявкнул на Соблазн Иван, – Что ты мне мозги засыпаешь черт знает чем?!

– Чем? Чем?

– Да. Я вообще то люблю тебя только потому, что ты Соблазн. Что ты исполняешь все мои желания и прихоти. Делаешь так, как я захочу. А о семье, тем более о ребенке я и знать не желаю!

– Ах ты так! – всхлипывая крикнула Соблазн, – Да что ты вообще понимаешь в жизни? А, Иван? Ты мать свою убил. За что?

– Не надо ворошить прошлое, дорогая! – рычал Иван, – Что было, то было. Я убил свою мать в состоянии аффекта.

– Не смей! Ты десять лет мечтал об этом! Ваня, я живу дольше, чем все люди. И я прекрасно тебя знаю. Так что не утаишь ты от меня свое прошлое, не утаишь.

Прудников стукнул кулаком по скамейке. Соблазн подпрыгнула, и ее руки задрожали.

– Соблазн не только для желаний, – начала сквозь слезы она, – Я ведь еще и женщина. Хочу любви и ласки. Семьи человеческой, работать как все, жить как все. И умереть, в конце концов, как человек. Ты меня решил эксплуатировать, ви-

дишь во мне машину славной жизни, а вижу в тебе любовь и ум, который ты, Ваня, губишь из-за своей гордыни и нежелания принять окружающих. Скажешь не так?

– Да все так, Соблазн, – махнул рукой Иван, – Но ведь ты кто? Я еще раз повторю: ты СОБЛАЗН.

– Да я этого не отрицаю! Но ведь я еще и человек! Я так же хочу жить и иметь детей и нормального мужа!

– А я так не хочу! – заорал Иван, схватил Соблазн за шею, и пригрозил кулаком, – Понимаешь?! Я не хочу быть отцом! Я хочу... Нет! Я желаю, чтобы ты потеряла ребенка! Слышишь?

– Да как с тобой можно общаться? – закричала Соблазн, – Ты же даже потусторонних духов убить можешь. Пусти, мне больно!

– Больно? – злобно рычал Прудников, – А мне не больно?! Думаешь мне хорошо? Думаешь, если ты Соблазн, то можешь все?

– А почему нет? Почему ты считаешь иначе?

– Да потому что я понял, на какой крючок меня посадил дьявол. Вот найду, и убью его! И плевать я хотел на законы, я лучше пойду в Чистилище, но не буду плясать под твою, «милая» и дьявольскую трубку!

– Ничего ты не понял, – тихо сказала Соблазн, – Тебе, дураку, жизнь преподнесла меня, а ты отвергаешь то, что тебе положено. Соблазн не так плох, как кажется. Для некоторых соблазн-это тьма и зло, а для некоторых друг и да-

же близкий! Понимаешь, Ваня? Все взаимосвязано! Соблазн для плохих- падение в глухомань, соблазн для хороших-тоже падение в глухомань, но только сам человек этого не осознает, и проходит эту глухомань незаметно. Тебе же ясно говорили, ТЫ выбираешь варианты «да» или «нет». Выбор за тобой. Тут уже ни я, ни дьявол, ни кто другой тебе не помогут. Ты хочешь, чтобы я потеряла ребенка? Пожалуйста. Ведь я соблазн, и я твоя шкатулка желаний. Но учти, я ведь тоже имею право на добрые и хорошие желания. И я уйду от тебя, и на тебя рухнут те задания, которые ты не сумеешь пройти. Быть может, тогда ты вспомнишь обо мне... Но только я не вернусь. И не проси. Соблазн уже оставил тебя. А это плохо, ведь КАЖДЫЙ человек обязательно должен иметь хоть каплю соблазна. Ведь иначе не будет взаимосвязи, не будет других путей... Равно как и всего мира.

– Ох ты и гадская же женщина! – рычал Иван, – Кто же тебя такую уродил?

– Мир, Ваня. Он и тебя уродил. И как видишь, убивать тебя не хочет.

Тут Соблазн резко затряслась, и Иван отпустил ее. Она упала со скамейке головой об бардюр. Ее голова разлетелась, а туловище превратилось в пыль. Иван сначала сидел, и долго думал об этом разговоре. Прошло три часа, пока Прудников решил пойти... В его мыслях мелькнуло «домой». Но он тут же вспомнил, что дом он спалил. И что идти ему некуда, и что у него нет даже документов! Он никто, и нико-

му не нужен. Проще говоря, Прудников теперь откровенный бомж, ненавидящий себя, людей, природу, вообще весь мир. И в то же время не понимающий происходящего... Но осознающий, что вскоре произойдет что-то...

Глава III. Пережить катастрофу

Прудников медленно прогуливался по парку, размышляя над всем произошедшим. И пока он размышлял, в его подсознании велся жаркий диалог между добрым и злым Я Ивана. Такой диалог происходит внутри каждого человека, думающего над чем-то серьезным. И у него тема бывает случайной, и быстро переходящей в другие русла разговора. Обычной темой в подсознания каждого из нас бывает «Да в смысле нет и наоборот». А стоит ли идти сегодня на работу? Да или нет? А в школу? Ой, может я не пойду в школу... Да? Нет? Наоборот? Угу... А еще раз? Вот только диалог подсознания Ивана выглядит точно также, как и его жизнь: жестко и непредсказуемо.

– М-да... Ванюшке надо быть умнее, – размышлял добрый Я.

– Фи! А ему это надо? Вот когда он нас подключит, тогда и посмотрим... – протяжным голосом сказал злой Я.

– Нет уж. Пусть одумается. Он даже и не подозревает, что значит услышать по радио словосочетание «Пережить катастрофу». Если он еще остался человеком, пусть подумает...

– Ой, ха- ха! – резко вдруг прорвало злое Я, – Не смейся! Он не одумается, так как сейчас он встретит ЕГО.

– Жмурикова?

– Ну да.

– Боже мой... – протяжно промычал добрый Я, – А они не подерутся?

– О- о- о! Но это уже как получится!

– Да ладно тебе, злой Я! Давай не будем ворошить войну.

– А помоему надо. Война самое хорошее средство для решения всех вопросов. Ведь я «да» говорю?

– Скорее ты сказал «нет». «Да» будет в случае... м...м правильного рассуждения, – философски говорил добрый Я.

– А война лучше.

– А жертвы хуже.

– А ты не главный.

– Равно как и ты.

– Ха- ха! Добрый Я, ты считаешь, что твое подключение решит проблему Ивана?

– Нет. Он должен решить ее сам.

– Тогда какого ты лезишь не в свое дело?

– Я пытаюсь помочь...

– Я тоже.

– А чего ты все я, да я!

– Собственно, ты тоже якаешь!

– Молчи, злой Я! Кто тебе дал право повышать на меня голос?

– Хм- м... Никто не давал. И вообще, что мы сейчас делаем?

– Действительно. Слушай... А давай ка Иван сам все делает, а мы поможем, если что.

– Идет.

Свернув налево, на дорожку, укрытую в тени деревьев, Прудников наткнулся на Жмурикова, идущего куда-то.

– Ого! – удивился Жмуриков, – Кого я вижу!

– Век бы тебя не видеть... – ворчал Иван.

– Да ладно тебе... Я же ничего плохого тебе не сделал.

– Да ну! А не вы ли господин Жмуриков лишили меня квартиры ни за что?

– Эх, Ваня! Если бы ты сделал то задание с аварией, квартира сейчас была бы твоя.

– Ага! А теперь я вылитый бомж. Весело? – грозно спросил Иван.

– Очень. Знаешь, а таких людей как ты, Иван, надо вообще всего лишать. Ты ведь самая настоящая пиявка в обществе. Ты- угроза миру и спокойствию. Так то Иван. Ты стал отбросом общества.

– Это неправда! – взвыл Иван.

– Что?! Ха- ха! Правда глаза колит, Ваня? Ну скажи же, ведь соблазн велик!

Прудников резко схватил Жмурикова за горло, и начал душить.

– Слушай гад! – угрожающе рычал на Жмурикова Иван, – Еще хоть слово вякнешь в мою сторону, распотрошу на ме-

сте!

– Ой, напугал! Уже боюсь! – смеялся Жмуриков.

– Заткни свой рот! – продолжал рычать Иван, – Я буду говорить, и ты должен молчать!

– Эх ты! Да кто ты такой, чтоб мне рот затыкать? Прудников Иван Демидович? Такого больше нет. Ты-тряпка. Тряпка, тряпка, тряпка! Ты ничтожество, и ты соблазнился на тяжкие грехи! – громко кричал Жмуриков.

– Грехов нет! – возмущался Иван, отпустив Жмурикова.

– Нет. Но есть грехи-поступки, Ваня. Ты, например, мать свою родную убил.

– Вы что, сговорились все?! – кричал Иван, – То дьявол, то Соблазн. Теперь ты! И все меня винят в одном и том же! Я же признаю свою вину! Я осознаю свою ошибку.

– Неправда. Это самая гадкая ложь, которую я слышал, – погрозил Жмуриков пальцем Ивану, – Ты тряпка, тряпка, тряпка! Ты ничтожный человек! Тебе не место среди нас, Ваня. Иди, и живи жизнью зверя, жуткого и ненавистного всеми. Ясно?!

– Зачем так все?

– Соблазн велик! – хохотал Жмуриков, – А ты на него обязательно поддашься.

– Нет.

– Ты-человек тряпки, ничтожество и самый ненавистный человек. Соблазн, и тот против тебя.

– Жмуриков, вы же ведь психолог!

– Ха- ха! Ты тряпка, Ваня. И ей останешься. Слушай меня: ты тряпка. Уходи из общества!

– Я не верю! – Иван закрыл лицо руками.

– А ты поверь. Ведь это правда. И я ее создал, эту правду. Ты изжевенец, и я стараюсь увести тебя далеко.

– Как так можно?

– Слушай меня, тряпка! – Жмуриков сжал обеими руками лицо Ивана, – Я тебе внушаю: ты ничтожество! Иди отсюда куда подальше! Ясно?!

Прудников несколько минут дергался, но затем его глаза сузились, кровь стала течь медленне, и вскоре Иван стал похож на бледную поганку.

– Ясно, – угрюмо сказал Иван, – Я тряпка, я ничтожество.

– Ай да умница! Уверяю, ты умрешь раньше, чем успеешь это заметить! – похлопал Жмуриков по плечу Ивана. Затем, Жмуриков толкнул Ивана, тот упал, и заплакал, да еще так сильно, словно маленький ребенок. А Жмуриков, потирая руки, и ехидно хихикая, пошел в сторону жилого района Черемушек.

А- а- а- а! – кричал Иван, вставая, – Какой я плохой!

Прудников бежал по дороге, не обращая внимания на машины и на людей. Бежал, и кричал во все горло: – Люди, я ничтожество! Я не имею права на жизнь! А- а- а!

Возле трассы Ивана перехал мотоцикл на полном ходу. Громко закричав, Иван посмотрел на свое левое размазанное по телу плечо. Но не слушая криков мотоциклиста, Прудни-

ков продолжил бежать по трассе. Еще пару раз он попал под колеса машины, и в итоге, с кучей переломов, почти ползком добрался до болота за частным сектором, возле поселка Октябрьский. Там, на берегу болота, Иван кричал всю ночь, и внашивал себе, что он не достоин нормальной жизни, и быть человеком.

На утро Иван решил покончить с собой. От сильной боли многочисленных переломов, Иван не смог встать. И решил залезть в болото, и не сопротивляться. Долгих пять минут засасывало болото тело Ивана. Он уже задохнулся, но его глаза видели камыши и небо над головой. Спустя еще минуту Иван полностью скрылся в болоте, и лишь вялых три пухляка всплыли на поверхность.

– Эй, ты жив? – спросило злое Я.
– Бошка болит! – простонало доброе Я.
– А Иван то, убил сам себя!
– М- да... Неувязочка в подсознании получилась.
– Он сам так решил. Чего теперь дергаться?
– Подожди... Я слышу топот копыт!
Оба Я прислушались.

– Господи! – хором закричали Я, – Да это же Жанна Павловна! Эй, мы здесь, мы здесь!

Оранжевое, с желтыми и красными оттенками небо бул-

тыхалось в водной глади. С боков, а точнее с холмов спускалась стеклянная стена, навивающая узоры, и рисующая поля. А вдалеке, вдоль линии горизонта расположилось безмятежное море с маленьким корабликом, и матросами, которые пьют чай.

По светлой, приятной на ощупь травке, скачет табун лошадей, управляемый семилетним мальчуганом, резвым, и полным сил. Где-то на гористой местности, пролегающей вдоль болота, по каменной дорожке шагают три священника, беседующих о смысле жизни.

– О, брат, гляди какое небо! – мечтательно говорил первый священник.

– Смотри, как стеклянная стена переходит с юга на запад! – восклицал другой.

– А как трава шелестит! Прямо рай для жизни! – восхищался третий.

А из небольшой, но уютной деревушки к болоту быстро скачет всадник на светлокоричневом коне, с роскошной черной гривой и хвостом. В седле высокого роста женщина, с распущенным яркими волосами, и длинной палкой с крючком. В бело-оранжевом плаще, и легкой кольчужной броне, с башмачками на высоких каблуках. А в ножнах имеется длинный и острый меч. Это Жанна Павловна скачет оживать своего сына, решившего покончить с собой.

Возле болота Жанна Павловна протянула палку с крючком к болоту, и важно крикнула: – Верни мне его!

Болото после долгого брожения вокруг крючка выплюнуло тело Прудникова. Жанна Павловна кинула Прудникова на траву, которая налетела на него в один момент. Спустя минуту, Иван лежит на травке сухой, чистый и в нормальной уличной одежде. А его сердце бьется жизнерадостно, подавая сигнал всему организму, что пора просыпаться.

– Уррра! – завопили добрый и злой Я, – Мы снова все вместе! Какое счастье, какая радость!

Иван проснулся от того, что одна из трав решила пройти по его телу. В связи с экзаменами по географии человека, все травам необходимо облазить человеческий организм вдоль и поперек! Когда травка уже собралась слазить с Ивана, ее привлекло то, что из носа вылетает и залетает кислород. Удивленно шмыгнув, травка подлезла к носу, осторожно и оглядываясь по сторонам. Но вдруг, Иван чихнул, и воздухом сшиб травку вниз. Завопив что-то про «Предупредить надо!», травка поскакала домой.

– Будь здоров, сынок! – ласково сказал Жанна Павловна.

– Мама? Где я? – удивленно спросил Иван, оглядываясь по сторонам.

– Неважно. Ты в другом мире. Важно то, что ты опять жив.

– Мама, прости меня... – зарыл лицо руками Иван.

– Стой! – крикнула Жанна Павловна, – Не закрывай лицо! Ты же сам себя унижаешь. К большому сожалению, Жмуриков оказался сильнее тебя словесно и духовно. Поэтому он без кулаков сломил тебя. Я не призываю к мести. Прости

Жмурикова, ведь от того, что ты его убьешь ни кому легче не станет, – Жанна Павловна слезла с лошади, и села рядом с Иваном.

– А здесь уютно, – продолжила она, – Стеклянная стена ничуть не мешает, хотя очень сильно искажает вид. Ваня, ты не должен терзать себя в вине моей смерти. Понимаешь, сейчас трудная жизнь, и каждый выживает по своему. Но я не виню тебя. Ты же ведь мой сын, моя кровь, мой ребенок и моя жизнь. На тебе нет грехов, да собственно самих грехов тоже нет. Есть лишь поступки, и их последствия.

– Но как тут... Что это за мир? И как я тут оказался? – с трепетом спросил Иван.

– О-о-о, миров много. А этот.... Называй его как хочешь. В каждом есть свои миры. И этот мир-мой. А ты в нем потому, что тебя сюда направили. Ты не должен умирать, Ваня. Но предупреждаю тебя, что Жмуриков даст тебе семь сложных заданий. И все они объединятся в единое: пережить катастрофу. Дело в том, что завтра Кинель окажется под ударом конца света. И ты должен его спасти. Как, тебе это объясним Жмуриков. А теперь, сынок, давай ка проделаем следующее: повторяй за мной: я сильный, я хороший, жизнь меня любит, я в образе полотенца, а не тряпки, я имею широкий разум и широкий круг друзей. Меня не смогут сломить, я лучше, я лучше, Я ЛУЧШЕ.

И Иван повторял за Жанной Павловной эти слова в течении нескольких часов. А когда настало время прощать-

ся, Иван удивленно спросил: – А ты? Разве ты не пойдешь со мной?

– Я приду в мир живых когда начнется Судный день. Мы с тобой еще встретимся, и сумеем зажить, как мать с сыном. Главное, чтобы ты всегда повторял эти слова. Ваня, слова-сила, с которой все живое и создается. В этом нет ничего зазорного. А теперь иди в болото. Не бойся, тебя оно не утопит. Только знай: пережит катастрофу-это значит превзойти самого себя в час пик ненастья. Будь силен и не пригибайся перед своим врагом. Да, иногда враг мудрее нас. Но ни что не делает мудрее нас тогда, когда наш враг тоже мудр. Все взаимосвязано, Ваня. Надеюсь, ты это поймешь.

– Да, – сказал Иван, и они оба обнялись. Иван прослезился, а Жанна Павловна, с улыбкой на лице сказала:– Твое тело самое лучшее в географии человека! – Ивана это смутило и рассмешило. Подойдя к болоту, он еще раз обернулся, и увидел, как его мать, улыбаясь, помахала ему рукой. Он тоже помахал пару раз рукой, и вошел в болото, которое ворчало: – Вот еще самоубийц в меня не совали! Уж будь повежливее! Я для того нужен, чтобы воду охранять, да камыши подкармливать! – Ивана это озадачило, и выйдя из болота к гаражам, он некоторое время задумчиво стоял.

Проходя мимо кафе «А.», Прудников остановился, и при-

слушался к радио, как и все посетители заведения. Взмолненный диктор быстро, но внятно сообщил не очень радостную весть:

«Мы прерываем музыкальное вещание в связи с экстренным сообщением. Авиация аэропорта Кинеля. заметила черные облака с огненным кругами. Судя по ветру, они движутся на город Кинель, и будут в нем через два часа. Также, жители окрестных сел обратились за медицинской помощью к врачам. Дело в том, что у них обнаружили симптомы мутации: у одних кожа стала зеленой, и всюду выросли острые иглы, у других конечности стали отпадать, у третьих органы поменялись местами. Дальше, из под земли стали доноситься какие-то звуки, похожие на вой, стон и крик. Воздух тоже постепенно становится тяжелым, поэтому врачи настоятельно рекомендуют одевать противогазы, платки, прежде чем выходить на улицу. Либо вообще сидеть дома. Сейчас уже поднята тревога, всюду войска, ученые и врачи. Внимание! Будьте бдительны ко всему! Самое главное- пережить катастрофу. Удачи!»

У многих началась паника, некоторые стали звонить родным и близким, на есть и те, кому все равно.

А перед Иваном незаметно появился Жмуриков.

– Слыхал? – спросил он.

Иван молча кивнул головой.

– Вот, что человек творит с матушкой-природой! Ладно, Ваня. Я тут с мамой твоей говорил, она меня попросила тебе

больно слов не кидать оскорбительным или унижительных. Я то не буду, вот только я похож на маньяка?

– Да, – грозно фыркнул Иван, – И я вас ненавижу!

– Что тебе мама говорила, когда ты в себя пришел? А?

– Тебе какое дело? Твое лицо мне противно! – Иван развернулся, и пошел по дорожке вдоль деревьев боярышника.

– Ты ведь сейчас как женщина поступил! – громко кричал Жмуриков, догнав Ивана.

– Язык придержи за зубами.

– Брось, Ваня. Я же не выматываю тебя. Оно мне надо?

– Надо. Иначе б ты отстал от меня.

– Эх ты! Ну уж нет, Ваня. Теперь я от тебя не отвяжусь.

Ты ведь не выполнили семь заданий.

– Я говорю «нет».

– Что? Ты не согласен? Ну ладно. Мое дело предложить. Твое... принять или отказаться, – сказав, Жмуриков также мгновенно исчез, как и появился возле кафе. А Прудников, посмотрев на часы, пошел гулять по городу. Время восемь часов вечера, и на улице еще светло. Народ только выходит гулять, ведь много людей еще не знают о надвигающейся катастрофе. Правда, Иван ни кому решил не рассказывать про это событие. Просто молча он бродил по улицам Кинеля.

К десяти часа вечера, со стороны вокзала надвигаются черные тучи с огненными кругами. Круги время от времени увеличивались или наоборот, уменьшались. Спустя еще полчаса, облака заволокли все небо над городом. Солнце по-

меркло, вечер превратился в ночь, а воздух стал тяжелеть, и невозможно нормально дышать.

Неожиданно отключилось электричество, отключили газ и воду. Город померк в темноте. И многих это испугало. Машины резко остановились, а Иван так и остался стоять возле магазина Л., предпочитая не двигаться. Спустя некоторое время глаза к мрак привыкли, и можно разглядеть слабые силуэты зданий, машин, людей и растительности.

В темноте Иван познакомился с Евгением Зиновьевым, путешественником, оказавшимся в Кинеле в этот недобрый вечер. Из-за темноты разглядеть точно Зиновьева невозможно, а слабый силуэт мало помогает.

– М- да, ну и ночка будет! – иронично сказал Евгений.

– Согласен! – присоединился к мнению Евгения Иван.

– Знаешь, а ведь моя машина на дороге стоит. Одинадцатая, серебристого цвета, 2007 года выпуска.

– Новенькая!

– Да, Иван. Смотри! Кое-кто все же решился ехать!

– Ага. Вот только из-за пробок на дороге, и из- за крошечной тьмы вряд ли кому удастся выехать из города. По крайней мере этой ночью.

Вдруг, под землей что-то завывало, застонало и закричало. Причем во всем городе. Визг, от которого хочется бежать, и стон, от которого мурашки по коже бегут.

– Что это?! – боязливо спросил Евгений.

Иван прислушался к вою.

– Помогите! – закричали по тут сторону дороги, во дворе, – Помогите! – Зиновьев и Прудников подбежали на ощупь к грузовику с военными. Через тьму удалось разглядеть, что от центральной библиотеки во двор бежит толпа людей: кто на четвереньках, кто ползком, а кто стоит и воет не человеческим голосом.

– Что случилось? – спросил Иван офицера.

– Там ОНИ! – заряжая пистолет быстро проговорил офицер, – Они!

– И что? – крикнул Евгений.

– И они едят людей! – сказал офицер, падая на землю от чего-то. Солдаты открыли огонь по огромной толпе народу, идущего с площади. Толпа народа, судя по силуэтам в темноте, была уже не человеческой.

– Каннибалы! – закричали солдаты. Во двор побежали люди, человек пять. За ними и Евгений.

– Куда? – крикнул Иван, – Там каннибалы!

Но другого выход не было. Пришлось Ивану бежать за Евгением, который забежал в подъезд дома, на котором висит реклама престижного магазина Э.

– Дверь! – завопил сержант. Дверь принялись закрывать чем попало. В темноте почти ничего не видно, поэтому многие бегали и стреляли наугад. Заперев дверь, семеро человек, включая Ивана и Евгения прислушались к звукам на улице. А на улице стрельба, взрывы, крики и стоны.

– Ладно! Давайте назовем друг другу имена, чтобы узна-

вать в темноте. – предложил Иван.

– Согласен! Евгений Зиновьев.

– Сержант Архип Болтов.

– Юлий Шметьев! – раздался хриплый голос со второго этажа.

– Все. – сообщил Болтов.

– Как?! – возмущенно крикнул Иван, – Тут же больше людей было!

– Разве?

Иван хватился за голову. – Галлюцинации?

– Э! А тебя как звать? – спросил Болтов Ивана.

– Прудников Иван.

– Да ты тот самый маньяк убийца?!

– Боже мой! – закричал Евгений.

– Ах ты гад! – закричал Шметьев, ударяя Ивана по лицу кулаком. – Ты моего брата у ворот убил! Помнишь, поселок Октябрьский, ты еще тогда себя убил? А- а- а! Так ты живой?

– А может... Может он заодно с этими каннибалами? – спросил Евгений.

– Вполне, – грозно сказал Болтов, – А ну, давай как, чеши отсюда! Убийце не место в цивилизованном обществе.

Прудников вдруг резко побежал на Шметова, сшиб его, затем развернулся, ударил Болотова, схватил автомат, и громко закричал: – Я теперь здесь главный! И вы будете слушать меня! А не то я вас мигом отправлю на тот свет! – и для пущей правдоподобности, Прудников выстрелил в по-

толок.

На улице все стихло.

– Тихо! – шепотом сказал Болтов.

Отчетливо слышны шаги, медленные и осторожные. Кто-то подходит к двери, и пытается сшибить деревянные палки, которыми и была заперта дверь.

– О- о- о- о! – завыл кто-то снаружи, – Я чую запах людей! Они здесь! Мясо, м- м- м!

– Тихонечко поднимаемся на пятый этаж, – шепнул Иван.

– Мне тьма глаза режет! – возмущенно буркнул Евгений.

– Молчи! Если хочешь остаться в живых! – настороженно гаркнул Иван.

И вот, в четвером, они поднимаются тихо и осторожно на пятый этаж. На третьем этаже Иван обнаружил мертвого солдата с пулеметом. В темноте не разглядеть, от чего он умер. Подняв на ощупь пулемет, Иван пошел дальше.

Но на четвертом этаже вдруг обвалилась стена одной из квартир. И в проем на площадку выскочили три каннибала. По крайней мере, судя по их силуэтам во тьме, людьми их не назовешь. – Мясо! Ура! – закричали хором каннибалы.

– Влип! – буркнул Прудников, стараясь прицелиться в каннибалов. Дверь внизу каннибалы сломали, и дружной толпой ринулись по лестнице на четвертый этаж. Лестница под Шметьевым со скрежетом рухнула, и цепкие острые когти двух каннибалов вцепились ему в ноги. – Спасите! – завопил Шметьев. Лестница на пятом этаже также обвали-

лась, и с тремя трупами в охапке на голову Болтову приземлился высокого роста мертвец, с длинными руками, и очень острыми когтями. – Вали супостатов! – закричал Болтов. И в темноте развязалась схватка. Понять кто где кого бьет невозможно из-за этой самой темноты. Видно только яркие вспышки от выстрелов, крики людей и каннибалов, громкий взрыв и полное крушение всей линии лестницы.

Спустя минуту, Прудников бросил автомат с пулеметом, и протер глаза, надеясь увидеть вместо мрака свет. Но он ошибся. На лестничной площадке пятого этажа лежат гурьбы трупов каннибалов, в угол двери квартиры забился испуганный Евгений, Болтов с чьей-то оторванной рукой стоит рядом с Евгением, а вот Шметьев улетел вниз, и был придавлен плитой.

– Я забуду на время этого мракобесия о том, кто ты, – начал Болтов, – Но учти, Иван, я обязательно устрою тебе райскую жизнь! Соблазн велик, согласишься.

– У меня три пальца на ноге оторваны! – визжал Евгений.

– Тише! – гаркнул Иван, – Или ты хочешь навлечь сюда еще толпу каннибалов?

– Ладно, – сказал Болтов, думая, – Тут вон открыта дверь на крышу. Полезли туда!

Сначала залез Болтов, выбросил наконец чужую руку, затем Евгений, и Иван. Крыша находилась в нормальном состоянии. Видимо, до крыш домов ужас не дошел (или не успел дойти). Они стоят как раз возле странной кон-

струкции, сооруженной скорей всего впопыхах. Деревянная палка, весьма длинная, но крепкая, привязана проволокой к стальному кругу, стоящему на самом краю крыши. Пощупав в темноте, и подергав палку, Болтов резюмировал: – Наверное, на крыше того дома палка прикреплена также. Других путей нет. Надо идти по палке.

Первым пошел Болтов. Дойдя до середины палки, он резко наклонился влево, затем снова выравнился. В темноте он не разглядел каннибала, сидевшего под палкой, и наступив последнему на пальцы, упал вниз. Там его растерзали, а затем и скушали каннибалы. Потом решил пойти Иван. То же самое, только он не упал вниз. Прудников решил сбить каннибала. Присев, он отломил от палки небольшую, но острую щепку, и затем давай истыкивать ею пальцы каннибала. Тот выл, и очень громко. Но не в силах противостоять Ивану, упал вниз, и разбился в лепешку.

Довольный своей победой, Прудников продолжил. Но вдруг тьма стала давить на него. Глаза Ивана заболели, он не мог держать их открытыми. Ивана стало качать из стороны в сторону, и он увидел стальную палку, и идущего по ней свой силуэт. Он шел прямо и бодро, лишь слегка покачиваясь. Его силуэт уже не наклоняется не в сторону светлого «нет», ни в сторону темного «да». И Ивана это слегка обрадовало.

– Ты чего? – спросил Евгений Ивана.

Но Прудников ничего не ответил. Он упал вниз, но успел

зацепиться за палку руками. Но у него недостаточно сил, чтобы держаться. Тем более, что тьма давила на него все большей и большей силой.

– Я иду! – кричал Евгений, – Держись! – Дойдя до середины палки, Евгений на ощупь нашел руки Ивана. Но тут палка зашаталась. Как оказалось, с другого конца сидит мертвец, и со смехом пилит палку.

– Да мы сейчас вниз рухнем! – завопил Евгений. Быстро взяв Ивана за руки, Евгений стал тащить, но сам упал, тоже уцепившись руками за палку.

– Ну вот и все, – тихо шепнул Евгений.

– Нет, – уверенно крикнул Иван, – Слишком рано.

И когда палка рухнула вниз, Иван с Евгением упали на крышу машины. Но не смотря на боль и ушибы, Иван быстро вскочил, побежал дальше, да еще и повалок за собой Евгения. Добежав до магазина Л., Ивана встретили солдаты, и прикрыли огнем. Возле магазина солдаты уверенно держали позицию, и при помощи пулеметов и танков отстреливались от нападающих каннибалов.

– Сейчас тьма, – сказал военный врач, – И я ни чем не могу помочь вашему товарищу.

– А фонарики не работают? – спросил Иван.

– Нет. Эти облака закрыли все, что напоминает нам о свете.

Иван быстро пришел в себя. Ушибы и переломы как рукой сняло. Хотя организм Прудникова глухо, но упрямо мычал,

намекая, что хватит всех этих издевательств. А вот Евгению становилось все хуже и хуже. Ближе к семи часам утра он потерял почти всю кровь, и военный врач, при слабом свете фонарика, который зажегся чисто случайно, сумел лишь перевязать пару ранений. Народ, под охраной военных снова вернулся на улицы. Из крошечного мрака доносились слова и предложения уехать из города. Но те, кто был на окраинах не советуют туда вообще соваться. Говорят, что Чистилище покажется райским местом, по сравнению с окраинами города. Да что уж там, если в самом городе в любую секунду каждого можно сожрать живьем. Что про окраины говорить...

В десять часов утра Евгения начало лихорадить. Черные облака все-таки не смогли зажать утро, и слабые, но очень яркие лучи солнца пробились сквозь них, освещая окровавленные, и заваленные трупами улицы города. Врачи сумели осмотреть Евгения. Его вывод не обрадовал Ивана.

– Ну что я вам могу сказать, – разводя руками начал доктор, – Ваш товарищ уже одной ногой в гробу. Позвоночник сломан, ноги сломаны, запястья рук сломаны... Плюс отбиты почки, большая потеря крови и жуткий жар. Мне жаль его, но что поделаешь. В таких условиях спасти человека сложно. Тем более с таким комплектом переломов и ушибов. Так что, если он вам дорог, или вы цените дружбу, готовьтесь к его похоронам.

– А он что, действительно умрет? – спросил Иван в недоумении.

– К сожалению... Думаю, что ваш товарищ протянет еще час, от силы полтора. Единственное, что его может спасти, так это реанимация, полная оборудования и целая толпа врачей.

Через час к магазину подъехал автобус, полный народу. Из него вышли те, кого успели вытащить из «живого кладбища» (так называли жители окраины города). Их вид... хм- м, заставляет поверить, что там, на окраинах творится. Нервным и тем, у кого психика не нормальная, лучше отойти. Так предупреждают офицеры, вышедшие из автобуса.

– Вот что значит, пройти через свою броню наизнанку! – удивился Иван, прислонившись к зданию.

На полуосвещаемой лучами солнца улицы быстро собрались врачи и психиатры, приехавшие оказывать помощь.

Пережить катастрофу... Значит превзойти самого себя в самом страшном, жутком и противном, перефразировать это все в хорошее, доброе и светлое.

Из автобуса вышло два человека мужского пола. У обоих на лице не было кожи вообще – сплошное мясо, да отвисающие конечности в виде ушей и носа. Их глаза ничего не видели из- за обожженной кожи. Их руки тряслись, пальцы перевернуты, а на груди глубокие следы когтей каннибалов. Живот тоже обгорел, местами почти насквозь. А от одежды по-

что ничего не осталось.

– Этих сюда, в госпитализацию, – командует майор. Следующего вынесли на носилках. Это тоже мужчина, и у него скорее душевная травма, нежели физическая. Его глаза выпучены до невозможности, свои руки он крутит и сгибает, словно резиновый. А ноги... Как ему это удалось? Он ноги закрутил в узел (!), и врачи чуть в обморок не попадали, когда к ним привезли такого больного.

– Ск- к- кальпель? – спросил через дрожь врач, – Сейчас посмотрим! – надевая перчатки сказал хирург, с явной крепкой психикой. Еще четверых вели за голову. Они, по словам очевидцев, попали под обстрел шинковалками. Каннибалам захотелось поохотиться... Ну а головы, это все, что от этих бедолаг осталось. И неизвестно, как они еще живы.

– М...м...м, пожалуй, в лабораторию, – почесав в затылке, скомандовал майор, посмотрев на этих четверых. Затем вышел Жмуриков, с оторванными руками, и выдернутым языком.

– Боже мой! – вздохнул Иван, увидев Жмурикова. Как сказали очевидцы, Жмуриков сделал это с собой сам, так как старался познать тайну безболия, и в итоге пришел к выводу, что все на земле чувствует физическую боль. А за ним вынесли тех, кого сожгли. Но удивительно-они остались живы!

– Где он?! – закричала женщина преклонных лет, бежавшая к автобусу, – Где мой внук?

– Он здесь, – тоскующим голосом сказал солдат, вынося

младенца, которому месяц от роду. У него из головы торчала какая-то деревяшка, а сам он громко плакал, и старался своими ручками стряхнуть с себя кровь, покрывающая почти все его тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.